

БИБЛИОТЕКА
АВАНТЮРНОГО
РОМАНА

ВИСЕНТЕ
РИВА
ПАЛАСИО

ПИРАТЫ
МЕКСИКАНСКОГО
ЗАЛИВА

Висенте Паласио

Пираты Мексиканского залива

Паласио В. Р.

Пираты Мексиканского залива / В. Р. Паласио —

«Пираты Мексиканского залива» – один из лучших исторических романов Висенте Рива Паласио, великолепного писателя, человека яркой жизненной судьбы (1832—1896). Роман «Пираты Мексиканского залива» – о вольных корсарах, людях, смело бросивших вызов испанской колониальной империи.

Содержание

Часть первая. ДЖОН МОРГАН	6
I. ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА	6
II. ПЕДРО-ЖИВОДЕР	9
III. В РОЩЕ ПАЛЬМАС-ЭРМАНАС	13
IV. ОХОТНИКИ	18
V. СЕНЬОРА МАГДАЛЕНА	22
VI. ВЕРБОВКА	27
VII. ПЛАНЫ И ПРИЗНАНИЯ	33
VIII. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ	36
IX. ПЕРВОЕ ДЕЛО	40
X. «САНТА-МАРИЯ ДЕ ЛА ВИКТОРИЯ»	43
XI. «ЗНАМЕНИТЫЙ КАНТАБРИЕЦ»	47
XII. СРАЖЕНИЕ И БУРЯ	51
XIII. ПЕРВАЯ ДОБЫЧА	54
XIV. ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ	60
XV. ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ (Продолжение)	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Висенте Рива Паласио

Пираты Мексиканского залива

Часть первая. *ДЖОН МОРГАН*

І. ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА

В середине семнадцатого века на обширном богатом острове Эспаньола процветало селение Сан-Хуан-де-Гоаве; славилось оно не только живописностью природы, но и своими обитателями. Это поистине чарующее селение утопало в зелени садов, а вокруг расстилались густые леса и тучные луга, на которых паслось несметное множество диких быков.

Местные жители, охотники и живодеры, торговали кожей и салом. Кого здесь только не было: негры и белые, мулаты и метисы, испанцы и французы, англичане и индейцы. Но все они вели одинаковый образ жизни, все обращались друг с другом, как сыновья одного народа, все трудились в поте лица, чтобы разжиться горстью-другой звонкой монеты, а заработанные деньги спускали в пьяном угаре за игорным столом или в обществе веселых девиц, в которых здесь не было недостатка.

Эти колонисты жили удивительной жизнью: они упорно трудились и предавались изощренным порокам, отличались безупречной честностью в делах и крайней развращенностью нравов, были по-братски добры к обездоленным и ненасытно алчны в игре.

И в добродетелях и в пороках они не знали меры. Добродетели и пороки теснились в одной груди. Так в сказках о золотом веке овцы и волки спят под сенью одного дерева, ястреб и голубка отдыхают на одной ветке, тигр и косуля пьют из одного источника. Все это кажется загадкой в цивилизованном девятнадцатом веке, когда мирный горожанин навряд ли уснет спокойно под одной кровлей с жандармом.

Однажды в сельской таверне, над входом в которую красовался намалеванный сажей бык и надпись «У черного быка», за простым некрашеным столом собрались трое. Перед ними стоял кувшин с агуарденте и три стакана, и они непринужденно беседовали, опершись локтями о стол, не снимая шапок и покуривая большие, грубо вырезанные деревянные трубки.

У всех троих были густые, длинные волосы и борода. Все они выглядели сверстниками, только двое из них, русые и голубоглазые, походили на англичан, а третий, смуглый, с черными глазами, черноволосый и чернобородый, очевидно, был южанином.

Одеты они были одинаково, но описать их одежду, пожалуй, будет нелегко: кожаные штаны в обтяжку, кожаные сапоги, туго обхватывающие икры, и длиннополая кожаная куртка. Шапка тоже из кожи, а на поясе – нечто вроде португепи с висящим на ней широким длинным ножом.

Таков был странный наряд наших героев, которые лениво перебрасывались словами, утопая в густых клубах табачного дыма.

– Железная Рука прав, – произнес один из англичан. – Тоска тут смертная, а с заработками не густо.

– Не густо, – подтвердил другой англичанин. – Особенно когда приходится иметь дело с этими чертовыми гачупинами,¹ как он их называет, которые таскаются сюда торговать из самого Асо.

– Я здесь просто умираю со скуки, – отозвался, выпустив клуб дыма, тот, кого называли Железная Рука, – и, кажется, готов тосковать по родине.

– Неужто твоя родина красивее, чем этот край?

– Еще бы, Ричард, – со вздохом ответил Железная Рука. – Мексика – лучшее место на земле.

– Зачем же ты оставил ее? – спросил другой англичанин.

– А, длинная история.

– Бедность погнала?

– Я был там богат, как принц.

Англичане с сомнением переглянулись.

– Тогда из-за любви?

– Расскажу как-нибудь в другой раз. Но пока что мне здесь все опротивело.

– О! И это говоришь ты, человек, заслуживший любовь Принцессы-недотроги?

– Хватит болтать об этой девушке. В Сан Хуане достаточно других женщин.

– Но не таких красивых.

– И не таких привлекательных. Добрая сотня охотников мрет от зависти, глядя, как ты шагаешь с ней по дороге в Пальмас-Эрманас. Эта рощица – суший рай, должно быть, вы там недурно проводите время.

– Во всяком случае, не так, как вы думаете. Я люблю Хулию, как сестру, и хватит об этом.

– Нет, нет, давай договорим до конца, Антонио, – серьезно возразил Ричард. – У тебя действительно ничего нет с этой девушкой?

– Нет, – отвечал Железная Рука. – Ее отец, француз, был, как вы знаете, моим другом. Когда он умер от чумы, я стал для Хулии и ее матери защитником и покровителем, вот и все. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я спрашиваю, – равнодушно ответил Ричард, – потому что если ты ее любишь, то не мешало бы предупредить тебя, что в твои воды зашел соперник.

– Кто же это осмелился?! – воскликнул Антонио, сверкнув глазами и вспыхнув от гнева.

– Ага, значит, что-то между вами есть. В конце концов мое дело сторона, но мы друзья, и я тебя предупреждаю. Пока что он дрейфует, но у него хорошая оснастка, и при первом шторме он тебя пустит ко дну.

– Но кто же он?

– Будь начеку и верь, что я тоже не зеваю. Можешь рассчитывать на мою дружбу...

Молодые люди горячо пожали друг другу руки. Лицо Антонио заметно омрачилось, но в светлых глазах англичанина по-прежнему отражалось безмятежное спокойствие души.

Третий охотник продолжал курить, как ни в чем не бывало, словно ничего и не слышал.

– Ты, я вижу, обеспокоен, – сказал Ричард после долгого молчания. – Пойдем прогуляемся, может быть, подвернется до вечера какое-нибудь дельце. Если же нет, думаю, лучше всего воспользоваться полной луной и к ночи отправиться в наши любимые горы. Там тебе будет легче.

– Ты прав, – отозвался Железная Рука, – уйдем отсюда, этот воздух наводит на меня тоску. – Встряхнув черной головой, будто отгоняя навязчивую мысль, он встал, и все трое вышли из таверны.

¹ Гачупин – презрительное прозвище испанцев, переселившихся в колонии.

На улицах селения было полно народу. В этот день приехали купцы из города Асо, чтобы, как обычно, закупить либо выменять на ткани и мелочной товар шкуры у охотников и живоделов Сан-Хуана.

Вечер был ясный и теплый, дул легкий ветерок, женщины спешили на площадь посмотреть, какие диковины выставили на продажу заезжие торговцы.

Трое охотников смешались с толпой и направились к лавке, в которой было разложено напоказ множество бычьих кож. Англичане вошли в лавку и повели разговор с хозяином, а Железная Рука остался на улице.

В это время невдалеке показались две женщины. Впереди шла старшая, лет сорока, а за ней следовала девушка лет шестнадцати, тоненькая, изящная и стройная, с белокурыми волосами и зелеными глазами, такими темными, что казались они черными.

На обеих женщинах были почти одинаковые синие платья, белые фартучки и белые шляпки. С первого взгляда можно было определить, что они небогаты и, по-видимому, принадлежат к французской колонии Сан-Хуана.

Заметив охотника, девушка вся вспыхнула и, воспользовавшись тем, что мать не видит ее, остановилась рядом с молодым человеком.

- Антонио, – спросила она, – ты сердисься?
- Нет, Хулия, – ответил охотник, сияясь улыбнуться.
- Не скрывай, Антонио, ты чем-то встревожен. Что с тобой?
- Нам надо поговорить.
- Когда?
- Сегодня вечером.
- Хорошо. Где?
- В Пальмас-Эрманас.
- Я приду, Антонио, приду. Только не сердись. Прощай.
- До вечера.

И девушка побежала вдогонку матери, та была занята своими мыслями и ничего не заметила.

Зато рядом находился тайный соглядатай, не пропустивший ни слова из их беседы.

Это был приземистый, тучный человек, с выпуклой грудью, втянутой в плечи головой и короткими, жирными руками, волосатыми, словно у обезьяны. Черные волосы, брови и борода разрослись у него необыкновенно густо, а маленькие, заплывшие бурые глазки сверкали, как горящие угли. Одежда этого странного человека не походила на кожаные костюмы охотников. Должно быть, он был богат, если судить по золотой цепи, золотым пуговицам на суконной куртке и пряжке из драгоценных камней, украшавшей его широкополую шляпу.

То был богатый живодел и скотопромышленник, испанец по имени Педро Хуан де Борика, известный в деревне под кличкой «Медведь-толстосум».

II. ПЕДРО-ЖИВОДЕР

Педро пристал к берегам Эспаньолы на корабле, направлявшемся в Новую Испанию. Хотя у него не было ни родни, ни знакомых на острове, он решил присоединиться к населявшим его охотникам и живодерам.

Обосновавшись в Сан-Хуан-де-Гоаве, Педро стал помогать кому-то из своих земляков, а потом и сам занялся торговлей; вскоре удача да к тому же еще упорство и выносливость помогли ему стать одним из самых богатых людей в округе.

Медведь-толстосум, как все теперь называли его, никогда не играл, для этого он был слишком скуп. Лишь единственный раз сразился он в карты с одним из своих друзей и проиграл. На следующий день его друга нашли в поле с кинжалом в сердце.

Все обвиняли Педро, но никто не сказал ему ни слова. В здешних краях принято было мстить только за собственные обиды. Педро не раз заводил знакомство с веселыми девицами, разделявшими жизнь охотников, но все они бежали от него, – уж слишком он был груб и скареден.

Богатый живодер жил один, без семьи, в просторном удобном доме и держал множество слуг, которые помогали ему пасти стада, загонять в крааль скот, забивать быков и продавать кожи.

В день, которым началось наше повествование, Педро долго стоял на площади, беспокойно посматривая по сторонам жадно сверкавшими глазами. Когда в торговых рядах появились Хулия с матерью, он пошел следом за ними и незаметно подслушал разговор Хулии с возлюбленным.

Если б кто-нибудь взглянул в тот момент на живодера, то заметил бы, как он побледнел и скрипнул плотными белыми, словно браслет слоновой кости, зубами. Но в густой толпе рабов, охотников и торговцев, валом валившей на площадь, некому было обращать на это внимание.

Хулия и ее мать продолжали свой путь, а Педро оставил их в покое и, грубо расталкивая всех встречных, направился в уже знакомую читателям таверну «У черного быка».

В тот час таверна была почти пуста. Начало смеркаться, и весь народ потянулся на рыночную площадь. Живодер уселся за столик в укромном углу и властно крикнул, словно подзывая бессловесную скотину:

– Исаак! Исаак!

В тот же миг перед ним появился высокий, тощий, бледный старик, с большой шапкой в руках.

– Поди-ка сюда, иудейский пес, – сказал живодер, схватив его за руку и силком усаживая рядом с собой. – Садись, сын Моисея.

– Обращенный, обращенный, если изволите помнить, милостивый сеньор, – ответил старик, низко кланяясь и не выказывая никакого неудовольствия. – Обращенный, ибо хотя здесь и нет инквизиции, а все же лучше, чтобы все было ясно, как божий свет.

– Провались ты хоть на тот свет! Брось свои увертки и отвечай. Ты обманул меня?

– Да накажет меня бог отцов моих, если я когда-нибудь вас обманывал!

– Не говорил ли ты мне, что этот проклятый мексиканец Железная Рука вовсе не возлюбленный Хулии?

– Я говорил, что ничего об этом не знаю, но никогда не уверял, что этого нет, а между двумя такими утверждениями немалая разница.

– Ах ты собака, да я сдеру с тебя шкуру, как с тельца!

– Да убережет меня бог Давида от такой напасти! Впрочем, вы все равно ничего мне не сделаете.

– Ничего не сделаю? А почему это ты так уверен?

– Слишком уж я вам нужен и слишком много вам помогаю, чтобы вы решились на подобное безрассудство.

– Ну и хитрец же ты. Однако нам есть о чем подумать. Я твердо знаю, что Хулия и охотник любят друг друга.

– Возможно, – уклончиво заметил старик.

– Возможно? Говорю тебе, я в этом уверен, жалкий пес! – крикнул с раздражением живодер и изо всех сил стукнул кулаком по столу.

– Потихе, – с величайшим хладнокровием ответил Исаак, – потихе, вы сломаете стол, а он сделан из отличного дерева, и вам это дорого обойдется.

Живодер презрительно взглянул на него и слегка оттолкнул от себя стол.

– Что же нам предпринять? – продолжал он. – Эта любовь путает мне все карты. Хулия не захочет стать моей женой. Теперь я понимаю, почему она всегда пренебрегала мною, все из-за этого охотника! Проклятые охотники, и они еще смеют презирать нас и обзывать мясниками, а сами-то просто воры! Все смазливые девушки в деревне только для них, не говоря уж о тех, что

они привозят себе из Санто-Доминго, из Асо и откуда попало. Хоть бы их всех чума унесла, вот когда остров Эспаньола станет сущим раем!

– Гм! – усмехнулся Исаак.

– Что же все-таки делать? Посоветуй. Я плачу тебе достаточно, чтобы ты помогал мне в моих делах.

– Вам надо похитить Хулию.

– Вот так совет! Чтобы охотник, узнав об этом, проткнул меня копьем или всадил мне пулю в лоб, как дикому быку? Нет, я не так глуп. Придумай что-нибудь другое.

– Да ведь у вас хватит сил убить быка одним ударом, взвалить его на плечо и потом еще и съесть, словно Милон Кротонский.

– Не важно, я не хочу ссориться с охотниками. Итак, что ты можешь придумать еще?

– Почему вы думаете, что Хулия и Железная Рука любят друг друга?

– Да я сегодня собственными ушами слышал, как они назначали друг другу свидание на вечер.

– Где?

– За селением, в роще Пальмас-Эрманас.

– Отлично. Тогда слушайте: наверняка охотник придет в рощу из лесу, где он ночует со своими друзьями-англичанами, а Хулия – из своего дома. Не правда ли?

– Возможно.

– А распрощавшись – ведь волей-неволей им придется расстаться, – он отправится в свою хижину, а она к себе домой?

– Должно быть, так.

– И Хулия придет в рощу и уйдет оттуда одна.

– Так оно и будет.

– Тогда спрячьтесь, подкараульте ее при возвращении, убедитесь в том, что она одна, а когда она пройдет мимо вас, хватайте ее, – бьюсь об заклад, она вас не узнает, – и тащите в лес, а потом придете ко мне и сами скажете, так ли уж хочется вам взять Хулию в жены или вы предпочитаете оставить ее охотнику.

– Понятно, – со смехом ответил живодер. – А вдруг она меня узнает?

– А вы переоденьтесь. Ночью, да еще переодетого, ни за что не узнает. К тому же перепугается...

– Но как же мне переодеться?

– Обрядитесь в костюм охотника, наденьте кожаную маску да закутайтесь в плащ.

– Превосходно! Если все сойдет удачно, то либо я и думать забуду о своей прихоти, либо девчонка перестанет ломаться и выйдет за меня замуж. А уж если дело сорвется, придумаем что-нибудь похитрее.

– Чего уж хитрее!

– Ну, прощай, пойду все подготовлю. Ах да, пришли ко мне кого-нибудь из слуг, я передам с ним телячью кожу для твоего маленького Даниила... Не забудь только.

Педро был так увлечен своей затеей, что, столкнувшись в дверях таверны с высоким человеком в черном плаще и черной шляпе, украшенной пером гуакамаи, почти не обратил на него внимания.

А новый пришелец направился прямо к хозяину и тоном человека, привыкшего повелевать, спросил:

– Кто это был здесь?

– Сеньор, – ответил Исаак, – его зовут Хуан, по кличке Медведь-толстосум.

– Моряк?

– Нет, сеньор, он – живодер.

– А! – протянул незнакомец с глубоким презрением. – Я почему-то решил, что он моряк.
А о ком он говорил?

– О Хулии, одной из местных девушек.

– О какой же это Хулии?

– О Хулии Лафонт.

– Дочери Густава Лафонта?

– Да, сеньор.

– Отважного моряка, который умер в этих краях от чумы?

– Того самого.

– Негодяй! Пусть только попробует, гнусный мясник, тронуть хоть волос с головы этой девушки, – пробормотал, словно про себя, незнакомец. – Значит, свидание состоится сегодня вечером? – продолжал он.

– Да, сеньор.

– В Пальмас-Эрманас?

– Да, сеньор, на юге от...

– Я не нуждаюсь в объяснениях. Возьми!

– Что вы мне даете?

– Испанскую унцию.

– Но за что, сеньор?

– За твое сообщение. Прощай.

Старик, пораженный такой щедростью, рассыпался в благодарностях, но незнакомец даже не взглянул на него и, закрыв лицо плащом, вышел из таверны.

– Бог Израиля! – воскликнул старик. – Бог Авраама! Не иначе это герцог! Какое, не герцог, а принц! Больше того – король! Золотая унция за такую малость!

И он поспешил на свою половину, чтобы рассказать жене о невероятном событии и спрятать золото.

Когда Педро-живодер вышел из таверны, уже начало темнеть. Не мешкая, он направился домой, решив взглянуть по пути на дом Хулии, стоявший почти на окраине селения в густых зарослях цветущего кустарника.

Медведь-толстосум, крадучись, как шакал, подстерегающий добычу, обошел вокруг изгороди.

Из окон дома лился свет. Притаившись там, где изгородь подходила поближе к дому, Педро услышал голоса. Хулия разговаривала с матерью.

– Она еще здесь, – злорадно прошипел Педро. – Ну что ж, увидимся ночью.

И он зашагал к своему дому, предвкушая удачу, словно тигр, почуявший запах крови.

III. В РОЩЕ ПАЛЬМАС-ЭРМАНАС

Время близилось к полуночи. В селении Сан-Хуан царила глубокая тишина, лишь изредка нарушаемая пением одинокого петуха или ревом быка в загоне.

Домик Хулии был окутан мягким полумраком, струившимся над землей, ожидавшей восхода луны. Казалось, все было погружено в глубокий сон: ни проблеска света в окнах, ни звука за плотно закрытой дверью.

Только позади ограды маячило неясное темное пятно. Там стоял какой-то человек, и человека этого, очевидно, одолевало нетерпение. Он то принимался ходить взад и вперед, то останавливался и заглядывал через изгородь, пытаясь рассмотреть, что делается в саду.

Так прошло немало времени. Тайный наблюдатель уже готов был уйти, когда, заглянув в последний раз через изгородь, он уловил легкое движение в доме. Затаив дыхание, напрягая слух, он пытался проникнуть взглядом сквозь густой сумрак, витавший в саду.

Но вот дверь дома тихонько приоткрылась, из нее выскользнула легкая тень, и дверь закрылась так же бесшумно.

– Она! – шепнул стоявший за оградой незнакомец, переведя дыхание. – Она, Хулия!

Девушка спустилась в сад и, боязливо оглядываясь, пошла по дорожке. Вдруг она испуганно остановилась, ей показалось, что кто-то бежит за ней. Обернувшись, она увидела великолепную черно-белую борзую – таких собак держали почти все охотники острова Эспаньола.

– Ох, Титан, – оправившись от испуга, проговорила девушка. – Ну и напугал же ты меня! Оставайся здесь, будешь стеречь дом, пока я не вернусь.

Умный пес повиновался, а Хулия подошла к ограде, сплошь заросшей вьюнком и лианами, и, раздвинув гибкие стебли, нырнула в темное отверстие.

– Вот оно что, – прошипел соглядатай. – Здесь есть неизвестная мне лазейка. Будем знать и при случае воспользуемся ею.

Девушка, проскользнув сквозь изгородь, вышла в поле и внимательно огляделась по сторонам. Человек припал к земле и замер, затаив дыхание. А Хулия, решив, что никто ее не видит, успокоилась и, плотнее запахнув широкий черный плащ, словно легкая тень, двинулась дальше.

Она прошла так близко от притаившегося в кустах незнакомца, что пола ее плаща задела его по лицу. Если бы верный пес сопровождал свою хозяйку, он, без сомнения, почуял бы врага, но Хулия была так рассеянна, так занята своими мыслями, что ничего не заметила и без колебаний направилась в Пальмас-Эрманас по узкой тропинке, змеившейся среди разбросанных по широкому лугу кустов и деревьев.

Дав девушке отойти подальше, человек встал и пошел за ней. Хулия, не замечая преследования, скользила среди деревьев. Лес становился все гуще и гуще.

Преследователь порой терял ее из виду, и ему приходилось ждать, пока слабый свет луны, пробившись сквозь зеленые своды, озарит силуэт Хулии, продолжавшей свой путь.

Но вот девушка вышла на большую открытую поляну и, не задерживаясь, зашагала дальше по протоптанной в траве тропинке. Поляну замыкала роща, над которой горделиво возвышались пышные кроны двух высоких пальм.

– А вот и Пальмас-Эрманас, – шепнул человек. – Пожалуй, лучше остаться здесь и подождать возвращения белой телочки. Отсюда я увижу, одна ли она выйдет из рощи, и успею приготовиться. Надо быть начеку... Только вот устроиться бы поудобнее... сдается, что ждать придется долго. – И он уселся под деревом, весь укрывшись в его тени.

Тем временем Хулия вошла в рощу и, осмотревшись вокруг, тихонько позвала охотника.

В тот же миг, словно ветер, пронесся в кустах, и к ногам Хулии бросились две огромные борзые, похожие на ту, что оставила она стеречь дом. Растянувшись на земле, они махали хвостами и радостно повизгивали.

– Добрый вечер, Тисок, добрый вечер, Мастла, – говорила девушка, глядя головы могучих псов своими маленькими белыми ручками. – Где же ваш хозяин?

Кусты снова зашелестели, и перед Хулией появился охотник, с мушкетом в руке, одетый так же, как утром.

– Антонио! – воскликнула девушка, протягивая ему руки.

– Хулия, бедняжка моя, – ответил охотник, обняв ее и едва коснувшись губами ее лба, – тебе очень страшно было, дорогая?

– Нет, Антонио. Разве мне может быть страшно, когда я иду к тебе?

Охотник нежно посмотрел на нее и снова прижал к груди.

– А здесь, со мной, ты ничего не боишься, радость моя?

– Чего же мне бояться, когда я с тобой, Антонио? Ведь ты мой возлюбленный, мой отец, мой брат. Рядом с тобой мне ничто не страшно.

– Ребенок!

– Это правда, Антонио, ты для меня – все. Садись вот на этот пенек и слушай. Раз ты сам спросил, я отвечу тебе.

Хулия уселась рядом с охотником и начала говорить, рассеянно играя длинными кудрями юноши. Свет луны скользил по смуглому лбу охотника, отражаясь в его блестящих глазах, и озарял пылающее лицо девушки.

– Выслушай меня, Антонио, но только не смейся. Когда я была совсем крошкой, матушка научила меня молиться на ночь моему ангелу-хранителю, и я полюбила его. Ведь ангелы так добры! Матушка говорила, что ангел красивый, сильный, что он защитит меня и от дьявола, и от врагов, что он будет сражаться со всяким, кто захочет обидеть меня, и обязательно победит. Тогда я была ребенком и пыталась вообразить, какой он из себя, этот ангел, такой сильный, такой смелый и отважный. Я верила в него и никогда не боялась. Но, поверишь ли, Антонио, с тех пор как я тебя узнала и ты сказал, что любишь меня, я поняла, что мой ангел-хранитель

всегда был похож на тебя. Такой же красивый, отважный и добрый, он, как и ты, думал и заботился обо мне непрестанно. Ведь это правда?

– Хулия! – воскликнул растроганный охотник, слушавший ее с улыбкой восхищения. – Хулия, мое доброе, невинное дитя!

– Ах да, – встрепенулась девушка, – что ты хотел мне сказать?

– Ничего, – ответил охотник, устыдившись, что мог хоть на мгновение заподозрить этого ребенка. – Ничего, кроме того, что люблю тебя с каждым днем все больше.

– Нет, нет. Ты был чем-то опечален, неужели я не знаю тебя? Скажи, что с тобой? Скажи, не то мне тоже станет грустно.

– Послушай, Хулия, ты никогда не ревновала меня?

– Ревновала? А что такое ревность? Я слышала, что люди ревнуют, но не понимаю, что это значит.

– Это значит – бояться потерять меня, бояться, что я полюблю другую женщину, что другая женщина полюбит меня.

– Ах, страх потерять тебя, да, это я знаю. Люди говорят, что в лесах есть свирепые дикие быки, которые бросаются на охотников и могут убить их. И когда я думаю об этом, мне становится страшно за тебя и я молюсь пресвятой деве. А бояться, что ты полюбишь другую или тебя кто-нибудь полюбит? О, если бы ты знал, как я бываю довольна, когда девушки говорят о тебе: «До чего хорош этот мексиканец! Какой храбрец Антонио Железная Рука!» Я с ума схожу от радости и думаю: «Он мой, только мой, и любит меня больше жизни». Правда?

– Правда, Хулия, правда. А другие мужчины не говорят тебе о своей любви?

– О, очень многие. Они посылают мне цветы и записки, смотрят на меня, вздыхают, бедняжки. А я думаю, могут ли они сравниться с моим Антонио? Но я радуюсь, когда говорят, что я хороша. Ведь если я нравлюсь им, значит, могу и тебе понравиться, а больше мне ничего не нужно.

– Ты прелесть! И ты действительно так любишь меня?

– Очень, очень люблю. И рада повторять это без конца тебе или самой себе, когда поливаю цветы и занимаюсь хозяйством. Я говорю так, словно ты стоишь рядом и слышишь меня: «Антонио, я очень люблю тебя; люби меня всегда; я не могу жить без тебя; когда же мы будем вместе?» И в этих словах я ищу утешения. А в свободное время я сажусь в саду и смотрю на горы, где ты охотишься. Помнишь, однажды ты пришел в наш сад после дождя? И земля была еще сырая? Нет, правда, помнишь? След твоей ноги остался на дорожке, и я много дней оберегала этот отпечаток. Как я огорчилась, когда ветер стер его! У тебя очень маленькие ноги, совсем как у женщины...

Девушка смотрела на охотника и улыбалась счастливой улыбкой.

Вдруг собаки подняли головы и насторожились. Хулия заметила это.

– Что случилось, Антонио? – спросила она. – Ты видишь, твои псы беспокоились.

– Не бойся, радость моя. Наверное, они почуяли быка. Если бы грозила опасность, ты бы сразу увидела: эти твари знают лучше, чем люди, когда надо поднять тревогу.

Собаки словно поняли похвалу и, завиляв хвостами, снова улеглись у ног Хулии и Антонио.

– Умницы, – сказала девушка, лаская собак. – Я очень люблю их. Ведь они всегда с тобой и охраняют тебя так же, как меня охраняет Титан, которого ты мне подарил.

– О, этот пес стоит любого раба.

– Мне пора, – вдруг заторопилась Хулия.

– Так быстро?

– Да, боюсь, как бы матушка не проснулась...

– Бедная сеньора Магдалена. Мне неприятно обманывать ее.

– Верно, но она сама виновата. Любит тебя, как сына, а вбила себе в голову, что выдаст меня только за кого-нибудь из наших земляков, за француза. А я вот люблю тебя, хоть ты и мексиканец.

– Со временем мы уговорим ее.

– Дай-то бог, но боюсь, что не удастся... Прощай...

– Прощай, Хулия, прощай. Я провожу тебя.

– Нет, нет; кругом все спокойно, идти мне недалеко, и я так хорошо знаю дорогу, что, право, не стоит труда провожать меня. Прощай!

Хулия привсталась на цыпочки и обменялась с Антонио поцелуем. Завернувшись в плащ, она побежала легче газели и скрылась в гуще гуаяканов.

Охотник некоторое время прислушивался к шелесту ее одежды, цеплявшейся за ветки кустов, а когда все затихло, вздохнул и, положив мушкет на плечо, зашагал в противоположном направлении. Вскоре и он затерялся в чаще леса.

Хулия вышла из рощи, в задумчивости пересекла поляну и снова вступила под сень деревьев.

Но едва она сделала несколько шагов, как услышала треск ветвей. Она обернулась. Неожиданно из-за дерева вынырнул какой-то мужчина и грубо схватил ее в объятия.

Девушка в страхе закричала, но у нее перехватило горло, и крик был едва слышен. Она попыталась сопротивляться, но нападавший не давал ей пошевелинуться, и, содрогнувшись от ужаса и отвращения, девушка почувствовала на своих губах его поцелуй.

Хулия прятала лицо, пытаясь спастись от поцелуев, а незнакомец тащил ее куда-то в сторону от дороги.

Как раскаивалась она в том, что не позволила Антонио проводить себя, даже не взяла с собой Титана! Они защитили бы ее, а теперь она совсем одна.

Борьба была бесполезна, кругом, куда ни глянь, – глухая лесная чаща.

– Здесь, красотка, – заявил похититель, – здесь ты скажешь, любишь ли ты меня; здесь ты станешь моей по доброй воле или насильно.

– Негодяй! – крикнула Хулия. – Нет, нет и тысячу раз нет!

– Кто же поможет тебе? – продолжал тот, сжимая ее в своих железных объятиях и пытаясь поцеловать.

– Бог, – в смертельной тоске произнесла девушка.

– Бог, – повторил в густых зарослях глубокий властный голос.

Похититель в страхе поднял голову, а Хулия радостно вскрикнула. Сухие ветки затрепали под чьими-то шагами, и из тьмы появился высокий человек, с головы до ног завернутый в черный плащ.

Тут похититель, который был не кто иной, как Медведь-толстосум, проявил неожиданную отвагу. Схватив Хулию за руку, он прикрыл ее своим телом и обнажил огромный нож.

Сталь сверкнула под бледным светом луны, однако незнакомец бесстрашно шагнул вперед, и живодер отступил, потащив за собой ошеломленную, растерянную Хулию.

– Оставь эту девушку, – повелительно произнес незнакомец.

Но Медведь-толстосум решил не сдаваться и, набравшись храбрости, крикнул:

– А ты кто такой, чтобы мне указывать и вмешиваться не в свои дела? Иди своей дорогой и оставь меня в покое, если тебе дорога жизнь!

– Ах! Не уходите, сеньор, – взмолилась Хулия. – Защитите меня!

– Молчи, – прорычал живодер, стиснув руку девушки.

Хулия вскрикнула от боли.

Незнакомец не стал дольше ждать. Словно тигр, бросился он на живодера, вырвал у него из рук нож и швырнул негодяя на землю, прежде чем тот успел опомниться. Медведь-толстосум вскочил и, даже не оглянувшись, пустился наутек, приговаривая:

– Господи Иисусе, спаси нас! Это сам дьявол, сам дьявол!

– Пойдем, дитя мое, – сказал незнакомец, обращаясь к помертвевшей от ужаса Хулии. – Пойдем, я провожу тебя до дому.

Сама не зная почему, девушка прониклась доверием к неизвестному ей человеку и, не произнеся ни слова благодарности, смело оперлась на его руку.

Незнакомец рассмотрел при свете луны отнятый у живодера нож и с презрением отшвырнул его прочь.

Оба молча направились к селению.

– Мы пришли, спасибо, сеньор, – проговорила девушка.

– Это твой дом, дитя мое?

– Да, сеньор. Прощайте.

Хулия отошла от незнакомца, но внезапно вернулась и застенчиво спросила:

– Как вас зовут?

Незнакомец на мгновение заколебался, но потом, как бы решившись, сказал:

– Джон Морган.

– Джон Морган?

– Да, но храни это в тайне. Прощай. – И, не произнеся больше ни слова, он быстро удалился.

IV. ОХОТНИКИ

Антонио Железная Рука взбирался по крутой тропинке в гору с такой легкостью, будто шагал по устланному коврами гладкому полу; вслед за ним весело бежали борзые. По временам он останавливался и замирал в глубокой задумчивости. Но не усталость прерывала его путь, а воспоминание о Хулии.

Вдруг псы тихонько зарычали и насторожились. Однако охотник был погружен в свои мысли и продолжал путь, не обращая на них внимания.

Собаки снова забеспокоились, и тут наконец Железная Рука очнулся.

– Эй, Тисок! Что случилось? Что с тобой, дружище? – спросил он, наклонившись к собаке.

Борзые приняхивались, повернув головы на юг.

– Что-то там происходит, – пробормотал охотник. – Эти твари никогда не ошибаются. – И он проверил, заряжен ли мушкет.

– Почем знать, может, кто из чужих заблудился в лесу. Пойти взглянуть, все равно спать уже не придется.

Антонио сжал в руке ружье, свистнул собак и ласково сказал:

– Пошли, малыши, пошли!

Собаки сорвались с места и бросились напрямик сквозь чащу, поминутно оглядываясь назад, словно желая убедиться, что хозяин следует за ними.

Первое время они бежали, не придерживаясь точного направления и беспокойно приняхиваясь. Но вот они напали на след и помчались вперед, пригнув головы к самой земле.

Теперь охотник потерял собак из виду; они скрылись среди бурелома, и только слышно было, как трещали под их лапами сухие ветки. Антонио шел следом, стараясь не отставать. Вдруг раздался неистовый лай.

– Разошлись не на шутку! – воскликнул охотник и, приготовив мушкет, со всех ног помчался туда, где заливались борзые.

Выбежав на небольшую прогалину, он сразу понял, в чем дело.

У подножия могучего гуаякана огромный бык отражал нападение Мастлы и Тисока, которые яростно скакали вокруг, пытаясь вцепиться зубами в его бока. Прижавшись крупом к стволу, бык поворачивал из стороны в сторону тяжелую голову, увенчанную мощными острыми рогами, грозя ударом, но ни на секунду не отрываясь от дерева.

Собаки увертывались от рогов и снова бросались на приступ, отчаянным лаем призывая охотника.

– Что за невидаль! – удивился Железная Рука. – Бык не бежит, а стережет дерево, словно часовой, да и псы никогда так из себя не выходили.

Обогнув лужайку, Антонио встал прямо против быка.

«Отсюда я попаду без промаха, – подумал он. – Только бы собаки оставили его на минуту в покое».

– Тисок, Мастла, сюда! – крикнул охотник. Он свистнул, и борзые, услышав знакомый сигнал, бросились к нему.

Бык, избавившись от преследования, не покинул своего поста. Напротив, он поднял голову и уставился горящими глазами на юношу.

Охотник с поразительным самообладанием вскинул мушкет и, медленно приподняв дуло, на мгновение застыл.

Сверкнула красная молния, грянул выстрел и, раскатившись по лесу, замер в глухих зарослях. Бык ринулся вперед и рухнул у ног охотника – пуля попала ему прямо в лоб. Собаки, сорвавшись с места, набросились на быка.

– Слава пресвятой деве Марии, избавившей меня от опасности, – неожиданно раздался мужской голос с вершины дерева, служившего прикрытием быку.

Охотник поднял глаза и увидел, что с дерева не без труда пытается слезть какой-то человек.

– Кто вы? Что с вами случилось? – спросил Железная Рука.

– Кто я? Неудачник, попытавшийся заняться чужим ремеслом. Не подоспей вы вовремя, мне бы конец пришел.

На человеке был охотничий костюм, а лицо его скрывалось за кожаной маской.

– Однако вы охотник? – спросил Железная Рука, указывая на его одежду.

– Нет, упаси меня бог. Я надел этот костюм просто из прихоти, и, клянусь всевышним, больше уж этого не случится.

– А что же вы сейчас собираетесь делать?

– Принести вам свою благодарность и отправиться обратно в селение, откуда мне и выходить-то не следовало.

– Ладно, идите с богом.

– Не хотите ли продать вашего быка? Ведь он ваш, раз вы его убили.

– Хочу. Цену вы, очевидно, знаете.

– В таком случае отметьте тушу, а завтра утром я за ней пришлю.

Железная Рука вытащил короткий нож, отрезал у быка уши и, протянув их покупателю, сказал:

– Ну вот, теперь он ваш.

– Отлично. Деньги получите завтра в таверне «У черного быка». А как вас зовут?

– Меня называют Железная Рука, – ответил юноша.

Тут собеседник вздрогнул, словно его укусил скорпион.

– Что с вами? – спросил охотник.

– Ничего, ничего. Нездоровится. Должно быть, от волнения и ночной сырости.

– Возможно, – согласился юноша. Он снова зарядил мушкет, с невозмутимым воинственным видом вскинул его на плечо, свистнул собак и скрылся в лесу, не произнеся более ни слова.

Мнимый охотник остолбенел, сжимая в руке бычьи уши.

– Вот поди же! – воскликнул он. – Сущие чудеса! Думал ли я, что меня спасет тот самый человек, у которого я чуть было не отбил девчонку. О, если бы он знал, то наверняка всадил бы пулю в мой лоб и уши отрезал не у быка, а у меня. Надо быть начеку! Итак, сегодня ночью Хулию спас сам дьявол, явившийся невесть откуда, а меня спас жених Хулии... Но что касается девчонки, рано или поздно она будет моей. – И, зажав в руке бычьи уши, живодер отправился в селение, непрерывно озираясь по сторонам, в страхе перед новой встречей с быком или охотником.

День уже занимался, когда Железная Рука добрался до горного убежища бесстрашных охотников.

В глухих лесных дебрях стояли сплетенные из пальмовых листьев шалаши, опорой им служили могучие стволы кедров, пальм и гуаяканов. Тут проводили охотники дни своей суровой жизни, преследуя быков и вепрей, отсюда спускались они в селения и города острова, чтобы сбыть кожи и мясо живодерам, земледельцам или морякам.

Охотники были хозяевами почти всего обширного острова Эспаньола. Отважные и закаленные, они отлично знали свой край и не боялись ни дикого зверя, ни грозы, ни чумы, ни испанских солдат, стоявших в Санто-Доминго и Альта-Грасиа.

Под властью испанцев находилась всего лишь треть острова, остальную территорию занимали охотники и земледельцы, не признававшие никакого закона, а при случае даже выполнявшие повеления французских королей.

Железная Рука подошел к своему шалашу, который по убранству мало чем отличался от остальных: бычья шкура, кое-какое оружие, несколько древесных пней, заменявших стулья и стол.

Против ожидания юноша застал всех охотников в сборе. Они с жаром о чем-то беседовали, поедая свое неизменное блюдо – жаренное на вертеле мясо и подобие салата из нежных побегов пальмы.

Очевидно, Железная Рука пользовался среди охотников большим уважением, ибо, увидев его, все поднялись, уступая ему место.

– Наконец-то ты пришел, – сказал один из охотников. – А мы уж удивлялись, почему тебя нет.

– Я всю ночь пробродил по лесу, – небрежным тоном ответил мексиканец.

– Недавно мы услышали выстрел, – заметил другой охотник, – и Ричард уверял, что это стреляешь ты. Он говорил, будто всегда угадает по звуку твоё ружье.

– Я и сейчас это говорю, – откликнулся Ричард.

– Ты прав, – сказал Антонио. – Я подстрелил бычка там внизу. Но почему вы все еще не спите?

– У нас важные новости, – ответил Ричард.

– Новости? Какие же?

– Сегодня вечером к нам приходил Джон Морган.

– Джон Морган? – воскликнул пораженный Антонио.

– Он самый, – с гордостью подтвердил Ричард.

Для того чтобы читатель понял магическое воздействие имени Джона Моргана на этих железных людей, следует сказать несколько слов о человеке, который будет играть немалую роль в нашем повествовании.

Джон Морган родился в Англии, в Уэльсе. Его отец был почтенным и богатым земледельцем, но юноша не питал склонности к сельскому хозяйству, он мечтал о море и опасных приключениях. Нанявшись юнгой на судно, он отправился на остров Барбадос, а там владелец судна продал его в рабство. Моргану удалось добиться свободы и перебраться на Ямайку, где он присоединился к пиратам, которые к тому времени уже начали тревожить испанский флот.

Легендарная отвага, беспримерная щедрость и неизменно сопутствующая ему удача вскоре сделали Джона Моргана любимым героем всех пиратов, а также населявших Антильские острова охотников и земледельцев, которые только и ждали его призыва, чтобы встать под черное пиратское знамя. Джон Морган был не просто вождем этих людей, он был их мессией.

Дело в том, что земледельцы, пираты и охотники не были дикарями, живущими вне общества, не задумываясь о будущем. Нет, их всех объединял высокий политический замысел, который ждал лишь появления вождя, чтобы воплотиться в жизнь. Эти люди мечтали завладеть Антильскими островами и создать там могучую державу, независимую от власти Франции, Испании и Англии.

Один за другим острова должны были подпасть под владычество пиратов, но прежде всего предполагалось захватить Эспаньола и Тортугу.

Большой и богатый остров Эспаньола и без того был почти целиком в руках земледельцев и охотников; пиратам же предстояло овладеть островом Тортугой.

Франция хорошо понимала, какие преимущества давало Испании господство над Антильскими островами. Поэтому она поддерживала, хотя и втайне, замыслы пиратов и даже направила под водительством Ле Вассера судно с войсками, чтобы содействовать изгнанию испанцев с острова Тортуги.

Таким образом, все недовольные ждали только вождя, чтобы открыть военные действия против испанских колонистов, против испанского торгового и военного флота. Такого вождя они нашли в Джоне Моргане.

Вот почему все, даже мексиканец Железная Рука, загорались воодушевлением при одном только имени знаменитого пирата.

– Так он был здесь? – снова спросил Железная Рука.

– Здесь, на том самом месте, где ты стоишь.

– И что же он сказал?

– Вот это и есть самое главное. Он пришел известить нас, что готовит восстание и ему нужны люди и продовольствие.

– Превосходно! – в восторге воскликнул мексиканец.

– Он обещал нам год, богатый событиями и приключениями, сулил знатную поживу на море и на суше. Одним словом, он готов перевернуть весь мир.

– Великолепно! А вы что ответили?

– Одни взялись обеспечить его продовольствием, другие решили идти вместе с ним.

– А ты, Ричард?

– Я? Я иду с ним!

– Я тоже, – воскликнул Железная Рука. – Где мы с ним встретимся?

– Завтра вечером в Сан-Хуан-де-Гоаве. Но надо хранить тайну, чтобы ничего не дошло до ушей испанского губернатора.

– И что же дальше?

– Если ты решил присоединиться к нам, я все тебе расскажу.

– Я решил.

– Отлично. Завтра, едва стемнеет, отправимся в селение.

Охотники продолжали оживленно беседовать. Железная Рука вошел в свой шалаш, растянулся на бычьей шкуре, собаки улеглись рядом, и он крепко заснул.

V. СЕҢЬОРА МАГДАЛЕНА

В селении Сан-Хуан-де-Гоаве всегда жило много народу, но народ это был бродячий, одни приходили, другие уходили, никто не заживался подолгу. Сан-Хуан был как бы столицей и главным штабом охотников, туда толпами стекались женщины легкого поведения, которых всегда влечет звон золота, а золото лилось тут рекой.

Легко понять, что в Сан-Хуане было немало красивых девушек, но ни одна из них не могла соперничать с Хулией, которая славилась не только своей красотой, но также скромностью и целомудрием, снискавшими ей всеобщее уважение.

Хулия, как все порядочные девушки, сторонилась шумного сонма погибших созданий и водила знакомство только с почтенными семействами селения. Недовольные такой замкнутостью, которая казалась им высокомерием, веселые девицы окрестили Хулию «Принцесса-недоtroга».

Отец Хулии, французский моряк, умер от чумы вскоре после того, как переселился на Эспаньолу вместе с дочерью и женой, сеньорой Магдаленой, как называли ее в селении.

На деньги, оставшиеся ей от мужа, сеньора Магдалена купила домик в Сан-Хуане и посвятила себя воспитанию дочери и торговле кожами. В обоих этих занятиях ей сопутствовала удача. Хулия была настоящий ангел, а бедность никогда не заглядывала к ним в дом.

Сеньоре Магдалене было лет сорок, но выглядела она тридцатилетней, и в селении находилось немало охотников поухаживать за ней. Но до сих пор никто из них не мог похвалиться ее благосклонностью; правда, никто и не заговаривал с цветущей вдовушкой о женитьбе.

Одним из самых влиятельных жителей Сан-Хуана был, несомненно, Исаак, хозяин таверны «У черного быка». Друг христиан во всем, что могло принести ему выгоду, Исаак был центром сложных любовных интриг, хранителем всех тайн, связанных с замыслами пиратов, и, кроме того, ростовщиком. Понятно, что, обладая подобными достоинствами, он был всем известен и всем необходим.

Таверна Исаака была построена так ловко, что в ней хватало места и для свидания влюбленных, и для заговора пиратов, и для трапезы охотников, причем все чувствовали себя в полной безопасности и так мало мешали друг другу, словно одни находились в Испании, а другие – на Ямайке или Тортуге.

Невзирая на все вышесказанное, Исаак пользовался высоким доверием испанского губернатора, которому сумел внушить, что является его агентом и может сообщать ему о всех замыслах пиратов и охотников, к тому времени ставших пугалом для испанской короны.

На следующий день после свидания Хулии с ее возлюбленным в Пальмас-Эрманас таверна «У черного быка» была почти пуста, и Исаак без помехи разливал из бочонка вино, благоразумно подбавляя в каждую бутылку малую толику воды.

В дверь постучали. Поспешно спрятав воду, Исаак крикнул:

– Войдите!

На пороге появился Педро-живодер.

– Да благословит вас Господь, – увидев его, лицемерно воскликнул старик.

– Добрый день, маэсе Исаак, – сказал Медведь-толстосум, не снимая шляпы, – ты один?

– Один и готов служить вам.

– Отлично. Брось-ка все это, садись, побеседуем.

Исаак забил втулку, придвинул живодеру табурет, а сам уселся на бочонке.

– К вашим услугам, – сказал он.

– Прежде всего доведу до твоего сведения, что ночная затея не удалась.

– Не удалась? Почему? Девушка не пришла на свидание?

– Прийти-то она пришла. Но случилась одна вещь... В общем, тебе дела нет до того, что случилось, и я не собираюсь тебе рассказывать. Просто ничего не вышло. Что теперь делать?

– Что делать? Не так-то легко сказать. Особенно когда не знаешь, что же произошло ночью.

– А вот этого ты не узнаешь, любопытный мошенник.

– Нет, сеньор, ничуть я не любопытен. Но мне бы следовало знать, в чем дело, не то я могу дать вам неподходящий совет.

– Ладно, ладно, давай свой совет, а я сам тебе скажу, подходит он мне или не подходит.

– Воля ваша. Вы твердо решили сделать эту девушку своей?

– Да.

– И ради этого готовы пожертвовать чем угодно?

– Да, лишь бы только не пришлось драться на ножах с этими проклятыми охотниками.

– Понятно. Сейчас я вам предложу единственный возможный план. А вы сами скажете, не слишком ли это дорогая цена за девчонку.

– Посмотрим.

– Главная помеха на вашем пути к желаемой цели – этот проклятый охотник Железная Рука, которого любит Хулия, не так ли?

– Именно так.

– А если бы не было ни его, ни сеньоры Магдалены и вы оказались бы с Хулией один на один, все бы вышло по-вашему?

– Без всякого сомнения. Ты, я вижу, не дурак.

– Значит, надо найти удобный случай...

– Вот, вот, удобный случай.

– Тогда женитесь на сеньоре Магдалене.

– Пречистая дева Мария! – подскочив на месте, воскликнул Медведь-толстосум. – Да ты с ума сошел или вздумал смеяться надо мной!

– Спокойствие, сеньор. Ни то, ни другое. Сеньора Магдалена не так уж стара или безобразна, чтобы вы пренебрегли ею, не будь вы влюблены в дочку.

– Пожалуй.

– Вы женитесь на сеньоре Магдалене, уедете с острова, отправитесь в Мексику или Панаму с обеими женщинами, а дорогой матушка может умереть или свалиться в воду, и вы останетесь один с девчонкой, далеко от всех охотников мира, да к тому же еще получите двойную выгоду – позабавитесь и с матерью и с дочкой. Признаться, мне самому очень нравится сеньора Магдалена, может быть, потому у меня и родился этот план.

Живодер задумался. Дело показалось ему достойным внимания.

Наконец он поднял голову.

– Ну что ж, все это не плохо, совсем не плохо. Будущая супруга мне не противна, а с этого проклятого острова так или иначе пора убираться; с этими дьяволами только и знаешь, что дрожишь за свою жизнь. Денег у меня хватит... но... как вы думаете, согласится ли сеньора Магдалена?

– Вот это уж зависит от того, как вы приметесь за дело.

– А как бы это сделать половчее? Начну, пожалуй, нежно поглядывать на нее, вздыхать с томным видом...

– Ну, этак-то вы просто останетесь в дураках. Женщину ее возраста этим не возьмешь, если речь идет о браке. Она высмеет вас, как мальчишку.

– Тогда как же?

– Берите ее на бордаж, без боковых заходов, без ухаживаний! Придите к ней домой, попросите разрешения поговорить с ней наедине и прямо так и выкладывайте, что для вас

обоих ничего не может быть лучше, чем пожениться и уехать с этого острова. Предложите ей руку, и я уверен, что она немедленно согласится.

– А если она скажет, что не любит меня?..

– Даже если она скажет, что обожает вас, не обольщайтесь. Тут не может быть других соображений, кроме выгоды. А в ее возрасте и при ее обстоятельствах брак с таким человеком, как вы, ей выгоден, уж можете мне поверить.

– А если ничего не выйдет?

– О, тогда и подумаем, что делать дальше. А пока смелей, и на abordаж!

– Правильно, завтра же пойду.

– А почему бы не сейчас?

– Сейчас?

– Почему же нет? Чем скорее, тем лучше. Сомнение – самая страшная из мук ада.

– Правильно. Сейчас и пойду.

И, решительно встав с места, живодер вышел из таверны.

Сеньора Магдалена с иглой в руках сидела в саду у дверей дома. Рядом с ней Хулия тоже занималась шитьем. Должно быть, они вели беседу о каких-то серьезных и важных делах, ибо не раз то одна, то другая, глубоко задумавшись, роняла работу на колени.

– Больше всего тревожит меня, – говорила сеньора Магдалена, – мысль о том, что в неожиданный день Господь призовет меня к себе и ты, такая юная, останешься одна, без помощи и защиты.

– Не говорите так, матушка, – возражала Хулия. – Вы полны сил и еще молоды. Не скоро придет этот страшный день.

– Не думай, что смерть настигает только стариков. Могу умереть и я. Может быть, живи мы в другой стране, я так не боялась бы за тебя. Но здесь, среди этих людей... О, если бы мы могли уехать отсюда, я умерла бы спокойно, даже зная, что оставляю тебя круглой сиротой.

– Не убивайтесь так, матушка...

– Если бы ты, по крайней мере, вышла замуж, устроила свою жизнь...

Девушка зарделась.

– Но за кого можно выйти замуж на этом острове? – продолжала сеньора Магдалена. – Если и есть здесь какие-нибудь молодые французы, то они тоже охотники, а разве можно отдать девушку за кого-нибудь из этих ужасных людей?

Тут Хулия так побледнела, что мать, без сомнения, заметила бы это, если бы ее внимание не отвлек неожиданно появившийся в саду человек.

То был Педро-живодер. Он подошел поближе и вежливо, хотя и не без некоторого смущения, поклонился.

– Простите, – обратился он к сеньоре Магдалене, – что я осмелился без приглашения прийти к вам в дом, но мне необходимо поговорить с вами о важном деле.

– Говорите, сеньор, – ответила сеньора Магдалена.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине.

Мать подала знак Хулии, и девушка немедленно удалилась.

– Можете говорить, – сказала сеньора Магдалена.

– Так вот, сеньора, – начал Педро, запинаясь и ерзая на табурете, – дело в том... что... что... по правде говоря, я не знаю, с чего и начать.

– Говорите же, – улыбаясь, подбодрила его сеньора Магдалена.

– Так вот, сеньора, человек я честный и работающий.

– Без сомнения.

– Я довольно богат.

– Верю.

– Я не молод, но и не стар.

– Это всякому видно.

– И я хотел бы, то есть... мне подошло бы... вернее, мне надобно... в общем, я хочу жениться.

– Очень разумное желание.

– Еще бы не разумное. Но дело в том... что женщина... то есть дама, которую я избрал... которая, прямо говоря, мне подходит, это – вы... Вот я все и сказал...

Сеньора Магдалена ждала, что он попросит у нее руки Хулии, и уже готова была ответить презрительным смехом, но, узнав, что речь идет о ней самой, она онемела.

Медведь-толстосум вертел в руках шляпу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– И вы говорите это вполне серьезно? – спросила наконец сеньора Магдалена.

– Да, сеньора. Я хорошо все обдумал и полагаю, что этот брак выгоден нам обоим.

– Выгоден обоим? Почему же?

– Судите сами, сеньора. Ни вы, ни я уже не молоды, и нам не нужны все эти детские ухаживания. Не правда ли?

– Совершенно верно.

– А между тем и я не могу больше жить один и вам нужен мужчина, который заботился и пекся бы о вас и вашей дочери... Что ж... в конце концов... я кое-чего стою. Есть у меня капиталец, человек я работающий, а вы, женщина хозяйственная, опытная... да и личико у вас свежее и румяное, словно у пятнадцатилетней девочки...

Сеньора Магдалена залилась краской, но, несомненно, была польщена.

– Говорю вам, – продолжал живодер, – нам обоим выгодно пожениться и покинуть этот остров. В самый негаданный час здесь такое начнется... Ведь один бог знает, чего можно ждать от этих людей... А нам и без того здесь не сладко... Что же вы скажете на это?

– Вы сами понимаете, – проговорила сеньора Магдалена, – что на такой вопрос сразу не ответишь. Мне необходимо подумать. Откровенно говоря, я никогда не помышляла о вторичном замужестве. Кроме того, вы, испанцы, как мужья не внушаете мне большого доверия.

– Ах, сеньора, вы предубеждены. Примите мое предложение, и вам не придется раскаиваться. Очень скоро вы убедитесь, что как муж я стою не меньше лучшего из французов.

– Хорошо, я подумаю. Вы узнаете о моем решении...

– Сегодня вечером?

– Нет, не так быстро. Через три дня.

– О сеньора! Это слишком долго. Изберем золотую середину между вашей осторожностью и пожирающим меня нетерпением. Завтра я узнаю ваше решение, и, смею надеяться, оно будет благоприятным.

– Этого я сама еще не знаю. Но чтобы показать свою сговорчивость, я согласна, приходите завтра.

– Утром?

– Нет, вечером.

– Будь по-вашему. До завтра.

– До завтра.

Живодер вышел на улицу в отличном настроении.

«Признаться, вдовушка тоже недурна, – думал он. – Пожалуй, не вскружи мне голову эта девчонка, я был бы весьма доволен. Все мы, мужчины, таковы!»

После его ухода сеньора Магдалена глубоко задумалась и до самого вечера не произнесла ни слова. Хулия с беспокойством наблюдала за ней и ломала себе голову, пытаясь догадаться, чем мог этот человек так взволновать ее мать.

Уже стемнело, когда сеньора Магдалена позвала дочь к себе и плотно закрыла дверь. Девушка дрожала от страха: а вдруг мать узнала о ее любви к Антонио?

– Дочь моя, – начала сеньора. – Мне нужно сообщить тебе важную новость.

- Какую, матушка?
- Ты сама понимаешь, доченька, что живем мы тут одни, без защиты, без поддержки, одним словом, без мужчины в семье...
- Да, матушка.
- Что со всех сторон нам грозит опасность, особенно тебе, такой молодой и красивой... Хулии показалось, что она догадывается, в чем дело.
- Значит, надо нам смириться перед судьбой, надо, чтобы к нам в семью вошел мужчина как наш законный защитник и увез нас с этого острова.
- Матушка! – воскликнула Хулия, уверенная, что ее хотят выдать замуж.
- Дочь моя, Хулия, так надо. Я понимаю твои чувства, но это необходимо.
- Но, сеньора!.. – начала Хулия и разразилась слезами.
- Не мучай меня, доченька, мне и самой это нелегко. Но так лучше для нас обеих, и я твердо решила выйти замуж.
- Ах! – воскликнула девушка, чувствуя, как камень свалился с ее сердца.
- Что ты об этом думаешь?
- Сеньора, вы сами себе госпожа. Если вы довольны своим выбором, то буду довольна и я.
- Я все обдумала и вижу, что в этом единственная надежда уехать отсюда.
- А кто же, сеньора, человек, заслуживший ваше доверие?
- Ах, дочь моя, я ничего от тебя не скрою. Он приходил к нам сегодня днем.
- Педро!
- Он самый. Он человек порядочный, хотя и грубоватый... Тебе он не нравится?
- Если он будет любить вас и вы будете счастливы, матушка, я полюблю его, как родного отца.
- Да благословит тебя бог!
- Сеньора Магдалена поцеловала Хулию в лоб и, успокоенная, вышла из комнаты.
- В эту ночь сеньора Магдалена, вновь почувствовав себя невестой, видела счастливые сны.

VI. ВЕРБОВКА

Живодер Педро Хуан де Борика так и сиял от радости, покидая дом вдовы Лафонт.

Он считал дело улаженным и понимал, что срок, назначенный сеньорой Магдаленой, означал лишь соблюдение приличий. До вечера он успел сообщить о предстоящей женитьбе всем, кого только ни встретил из своих знакомых, и, полагая, что эта сделка им кажется столь же удачной, как и ему, совсем возгордился своей победой.

Разумеется, на деле было не так. Все потешались над помолвкой глупого, трусливого уроды с пожилой вдовой, и весь вечер в селении только и было разговору, что о будущей свадьбе Педро и сеньоры Магдалены.

В этот вечер, против своего обычая, почти все охотники собрались в таверне «У черного быка». Они пили, курили и беседовали так беззаботно, словно на острове Эспаньола не осталось ни одного быка.

Исаак, разумеется, был безмерно доволен, вечер сулил ему богатую поживу. Но, вероятно, он принадлежал к немногим в селении, кто не удивлялся этому неожиданному сборищу.

За одним из столов, несколько в стороне от других охотников, сидели, увлеченные беседой, Антонио Железная Рука и его друг Ричард.

– Я вижу, ты неверно рисуешь себе ту жизнь, какую предлагает нам Джон Морган, – говорил англичанин. – Чего ты боишься – опасности или наказания?

– Ни того, ни другого, – ответил Железная Рука.

– Тогда что же удерживает тебя от участия в нашем деле? Ты страдаешь морской болезнью?

– Нет, нисколько. Но непреодолимые препятствия мешают мне покинуть остров.

– Скажи какие?

– Невозможно.

– Ладно, ты разрешаешь мне угадать?

– Да.

– Но с условием: если я угадаю, ты не станешь отпираться.

– Согласен.

– Слушай же: ты не хочешь покидать остров, потому что ты влюблен.

– Ричард!

– Ты не отрицаешь, значит, это правда. Кроме того, влюблен ты в Хулию, прекрасную француженку, Принцессу-недотрогу.

– Черт возьми! Правда.

– Однако раньше ты отрицал это. Теперь я понимаю, почему ты так взволновался, когда вчера я сказал тебе о тайном сопернике.

– Ты прав, но объясни мне...

– К счастью, я могу тебе сообщить самые успокоительные сведения и надеюсь, они повлияют на твое решение.

– Говори.

– Так вот, знаешь ли ты Педро Хуана де Борику?

– Как же – Педро-живодер, Хуан Медведь-толстосум, испанец. Ему бы надо родиться быком или обезьяной.

– Он самый. Так вот несколько дней назад я узнал, что он повадился бродить вокруг дома твоей Хулии.

– Гром и молния! – прорычал Железная Рука, вскочив, как тигр.

– Спокойно, спокойно, дорогой сеньор, – невозмутимо продолжал Ричард.

– Тебя бы следовало называть не Железная Рука, а Пороховое Сердце. Садись и слушай.

– Но этот жалкий шут смеет посягать на мою святыню...

– О, право, я пожалел бы тебя, если бы это было так.

– Тогда ж чем же дело?

– Выслушай меня, и ты все поймешь.

Железная Рука сел, чувствуя, как бушует буря гнева в его сердце.

– Когда Медведь-толстосум стал кружить, как ворон, вокруг дома Хулии, – продолжал англичанин, и Железная Рука снова чуть не вскочил с места, – то, поскольку единственной молодой, красивой, привлекательной особой там была твоя Хулия, все сразу смекнули: «Он охотится за Хулией». Я и сам так подумал. Но теперь все разъяснилось, и мы узнали поразительную новость: Педро-живодер, Хуан Медведь-толстосум, женится на почтенной сеньоре Магдалене, вдове Лафонт.

– Неужто! – воскликнул озадаченный охотник. – Да, может быть, это клевета или шутка?

– Все уже знают об этом, кроме тебя, хотя ты должен бы узнать первый.

– Но это невозможно. Хулия рассказала бы мне.

– Наверное, она сама не знала. Когда ты говорил с ней?

– Вчера вечером.

– А это все произошло сегодня.

– Я поражен.

– Кроме того, могу сообщить еще одну интересную для тебя новость.

– Говори.

– Свадьбу сыграют очень скоро, и счастливая парочка, захватив, разумеется, Хулию, покинет остров, чтобы пустить корни в Мексике или Гватемале.

– Этого не может быть. Хулия не могла бы скрывать от меня...

– Уверяю тебя, это правда. А если Хулии не будет, зачем тебе тут оставаться. Не лучше ли столкнуться с Джоном Морганом?

– И в самом деле, – задумчиво отвечал Железная Рука, – но я должен удостовериться...

– Вот это правильно. Проверь все как следует, и если больше ничто тебя не удерживает, то какого дьявола! Отправляйся с нами.

– Да, да. Пойду поищу Хулию, пусть сама мне скажет.

– Ступай, поговори с ней. Но торопись, не забудь, сегодня ночью Морган назначил встречу всем, кто хочет принять участие в деле, а завтра на рассвете он уходит в море.

– Бегу и скоро вернусь. А если я уже не застаю тебя?

– Исаак скажет тебе, где можно нас найти.

– Прощай!

И мексиканец, надев шляпу, вышел из таверны.

– Жаль, если Железная Рука не примкнет к нам, – сказал Ричард. – Он умен и отважен.

– А разве он отказывается? – спросил какой-то охотник.

– Надеюсь, теперь не откажется. Были у него помехи, но все уже позади, и, думаю, он будет с нами.

– Это находка! – откликнулся охотник, опорожнив стакан агуардьенте. И все принялись пить, не вспоминая больше о Железной Руке.

Ночь стояла темная. Молодой охотник подошел к дому Хулии, не встретив никого на своем пути. В доме еще не спали, окна были открыты, и из них лился свет.

Обойдя вокруг ограды, Антонио остановился там, где она была пониже, а на земле лежал большой камень, оказавшийся здесь, разумеется, не случайно.

Юноша стал на камень и заглянул в сад. Прямо перед ним было освещенное окно.

Железная Рука засвистал, подражая пению дрозда, и почти в тот же миг в окне появился темный силуэт Хулии.

Заметив ее, охотник снова свистнул. Хулия отошла от окна, но тут же вернулась со свечой в руке и, дунув на огонь, погасила ее. Комната погрузилась в темноту.

На условном языке влюбленных это означало: «Моя матушка еще не спит. Жди, я выйду к тебе».

Охотник отошел от изгороди и уселся неподалеку от лазейки, через которую выскользнула прошлой ночью Хулия. Сидел он долго, не шелохнувшись. Он был уверен, что Хулия еще не может выйти, и терпеливо ждал.

Наконец зашелестела трава, и Антонио услышал тихий голос:

– Ты здесь, Антонио?

– Здесь, Хулия, – ответил, подходя к ней, охотник.

– Время терять нельзя. Матушка не спит, она очень взволнована, а мне нужно столько сказать тебе.

– Что случилось? – спросил Железная Рука, делая вид, что ничего не знает.

– Что случилось? Плохие новости. Сегодня матушка сказала мне, что решила выйти замуж.

– Замуж? Но за кого?

– За отвратительного человека, за Педро Хуана де Борику.

– Уж не сошла ли с ума сеньора Магдалена?

– Это еще не все, Антонио; самое ужасное, что мы покидаем остров, а это убьет меня. – И Хулия залилась слезами.

– Хулия, дорогая, не плачь, – утешал ее охотник. – Ты слишком добра, чтобы бог оставил тебя без помощи.

– Не видеть тебя! О боже мой, боже мой! Какое горе!

– Но, Хулия, как все это произошло?

– Не знаю, ничего не знаю. И не знаю, как только я не разрыдалась, когда матушка мне обо всем рассказала.

– О Хулия! Нас невозможно разлучить, ты никуда не уедешь!

– А кто может помешать этому? – раздался чей-то голос за спиной Хулии. Хулия испуганно вскрикнула, она узнала голос сеньоры Магдалены.

– Антонио, – повелительно произнесла сеньора Лафонт, – напрасно питаете вы страсть, которой я не одобряю. Вы никогда не станете мужем Хулии.

– Почему, сеньора? – спросил Антонио, который взял себя в руки, услышав, что сеньора Магдалена говорит спокойно.

– Потому что каждая мать желает добра своему дитяти, а я не знаю, ни кто вы, ни кто ваши родители и ваши предки. Я любила вас, как друга. Но этого мало, чтобы доверить вам будущее моей дочери. Да и та жизнь, какую вы ведете, не внушает мне спокойствия. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да, сеньора, – ответил охотник.

– Хулия, иди в свою комнату, – строго приказала сеньора Магдалена.

Хулия заколебалась, умоляюще посмотрела на мать, но, увидев непреклонное выражение ее лица, опустила голову и, рыдая, направилась к дому.

– Сеньора! – грозно крикнул Железная Рука, едва сдерживая ярость. – Сеньора!

– Вы угрожаете мне? Что ж, очень хорошо. Угрожайте слабой, беспомощной женщине, матери, которая на основании священных прав требует покоя для своей дочери. Грозите ей, ударьте ее – это подвиг, достойный охотника, известного под кличкой Железная Рука.

– Сеньора! – снова воскликнул юноша, не зная, что и говорить.

– К вам относились в нашей семье, как к сыну, а вы соблазнили мою дочь и за благородную, бескорыстную любовь хотите отплатить разорением и горем.

– Сеньора, я люблю Хулию и хочу назвать ее своей женой.

– А какое имя дадите вы бедной девочке, если все знают вас только под прозвищем Железная Рука?

– Сеньора, я не менее знатен и богат, чем принц крови.

– Назовите тогда свое родовое имя, объясните, почему скитаетесь вы здесь, разделяя дикую, бродячую жизнь охотников?

– Впоследствии вы все узнаете.

– В таком случае впоследствии вы и сможете мечтать о руке дочери Густава Лафонта. А пока, если вы действительно дорожите спокойствием и честью Хулии, оставьте ее.

– Но ради бога...

– Я все сказала, – остановила его сеньора Магдалена и удалилась, не произнеся более ни слова.

Охотник долго стоял в задумчивости. Наконец, словно приняв решение, он тряхнул кудрявой головой.

– Пусть так: впоследствии! – сказал он и хотел уже уйти, как перед ним снова появилась Хулия.

– Антонио, – проговорила девушка, рыдая, – неужели нет надежды?

– Верь, Хулия, все равно ты будешь моей.

– Против воли матушки? Никогда.

– Мы уговорим ее.

– Когда?

– Очень скоро, если ты обещаешь не забывать меня.

– О, никогда, никогда!

– Тогда верь мне, мы будем счастливы.

– Прощай, – сказала Хулия, – поцелуй меня последний раз.

– Прощай, – ответил охотник, прижавшись губами к ее лбу.

– Прощай, – повторила Хулия и, поцеловав руку Антонио, бросилась бегом обратно в сад.

– Ты будешь моей женой, и скоро! – крикнул охотник ей вдогонку и решительно направился в таверну «У черного быка».

Когда он пришел туда, в таверне было пусто, чадный огонек едва мерцал в светильнике, свисавшем с потолка на позеленевшей медной цепочке.

– Исаак, маэсе Исаак! – крикнул охотник.

Дверь скрипнула, и на пороге показался Исаак.

– Ах, это вы! – сказал он. – А я уже собирался запирать, думал, вы не придете.

– Где они ждут меня?

– Поглядите туда, – сказал еврей, выйдя с ним вместе на улицу. – Видите вон там, прямо, рощицу?

– Да.

– Справа от нее будет тропинка. Идите и идите по ней, пока не наткнетесь на развалины. Там и найдете то, что ищете.

– Отлично, – ответил охотник и зашагал в указанном направлении.

Неподалеку от дома действительно росла купа деревьев, а справа от нее вилась в траве тропинка. Луна светила достаточно ярко, чтобы не сбиться с дороги, к тому же охотник знал тут каждую пядь. Он пересек небольшой луг и снова оказался среди деревьев, но тропинка бежала вперед, не прерываясь. Пройдя еще немалое расстояние, Антонио внезапно увидел перед собой какое-то мрачное строение.

– Здесь, – сказал он. – Поищем входа.

Едва он собрался обойти вокруг ограды, как кто-то окликнул его по имени. Антонио узнал голос англичанина.

– Как дела, Антонио? – нетерпеливо спросил Ричард.

- Я – с вами.
- Дай руку, ты настоящий мужчина. Теперь идем к Моргану, он ждет тебя.
- Разве он меня знает?
- Он много о тебе слышал.
- Пошли.

Они пересекли большой двор, заросший травой и кустарником, потом – заброшенные, освещенные лишь лунным светом комнаты с обвалившимися потолками, и очутились, наконец, перед открытой дверью, из которой падали дрожащие красные отсветы.

- Здесь? – спросил Железная Рука.
- Дальше.

Они вошли в просторное помещение, озаренное огнем, пылавшим в большом очаге. Вокруг него сидели какие-то люди, жарившие на вертелах разрубленные на куски бычьи туши. Никто не оглянулся на вновь прибывших.

Англичанин и Железная Рука, пройдя через всю комнату, оказались перед другой дверью, за ней слышался разноголосый шум.

- Здесь, – сказал англичанин.

Он толкнул дверь, мексиканец последовал за ним и увидел перед собой многолюдное и весьма необычное сборище.

Комната, чуть поменьше соседней, лишенная всякой обстановки, была заполнена толпой охотников, моряков, земледельцев, живодеров. Кто сидел на камне, кто на своем плаще, а кто и просто на полу. Посередине стоял Джон Морган, опершись на один из деревянных столбов, поддерживающих кровлю. Яркий свет факелов озарял эту сцену.

Крутой высокий лоб и горящие глаза сразу обличали в Моргане главаря всех собравшихся, правда, об этом можно было догадаться и по глубокому почтению, чуть не восторгу, сквозившему в каждом устремленном на него взгляде.

При виде Железной Руки Морган приветствовал его изысканным поклоном, показавшим, что человек этот отличался по своему воспитанию от окружающей его толпы.

Антонио Железная Рука занял место рядом с другими, Морган продолжал свою речь среди почтительного молчания.

– Я задумал, – говорил грозный пират, – великий план. Ваша отвага поможет мне быстро осуществить его. Вы знаете, что Мансвельд, наш бывший адмирал, скончался. Губернатор Большой Земли Хуан Перес де Гусман одержал над нами победу у острова Санта-Каталина. Но я обещаю вам отомстить за это поражение. Нам достанутся все острова, принадлежащие сейчас испанцам. Нашими будут все города и селения на побережье. Мы станем хозяевами и владыками Антильского моря, хозяевами и владыками всех морей, омывающих берега Индии. Я обещаю вам: золота, женщин – всего будет у вас в изобилии. Но для этого нужно, чтобы вы шли за мной и помогали мне, чтобы я полагался на вас, как на свою руку и свое сердце, чтобы я мог приказывать вам, как своей руке и своей шпаге, управлять вами, как управляю своим кораблем. Согласны ли вы?

- Да здравствует адмирал! – раздался общий восторженный крик.

Долго не мог Морган сдержать разноголосый гам. Наконец все успокоились, и Морган продолжал:

– Как вы знаете, у нас существует обычай скреплять договор своей подписью. Каждый из вас должен прихватить с собой нужное количество пороха и пуль. Прежде всего вам придется внести долю на жалованье судовому плотнику и врачу. Что касается судов, то вы их получаете даром – целая флотилия стоит у меня наготове. Тот, кто потеряет в сражении правую руку, получит в возмещение шестьсот песо или шесть рабов; если левую – пятьсот песо или пять рабов, столько же за правую ногу; за левую ногу – четыреста песо или четырех рабов; за один глаз – сто песо или одного раба. Эти суммы выплачиваются из общей добычи в первую очередь.

Затем капитан получает долю, равную доле пяти человек. Остальное делится поровну между всеми. Вот мои условия. Договор готов. Подписывайте!

Один из сопровождавших Моргана людей развернул большой пергамент и достал чернильницу с несколькими перьями.

– Вы – первый, – обратился Морган к Антонио.

Железная Рука взял перо и подписался. Пират наклонился, чтобы прочесть его подпись, но увидел лишь: «Антонио Железная Рука».

Все собравшиеся подходили один за другим и скрепляли договор своей подписью. Неграмотные ставили крест, а имя писали за них товарищи.

Когда обряд был закончен, Морган заговорил снова:

– Теперь вы торжественно скрепили наш договор. Как выполняем мы договоры, вам известно. Через две недели у мыса Тибурон, на западном побережье острова, появится корабль, и корабль этот всех вас примет на борт. Условным знаком будет желтый вымпел на фок-мачте, пароль – «Морган, Санта-Каталина», ибо не пройдет и месяца, как остров Санта-Каталина будет наш и десяток лучших наших кораблей встанет у южных берегов острова Кубы невдалеке от портов Сантьяго, Баямо, Санта-Мария, Тринидад, Сагуа и мыса Корриентес. Там, на виду у испанцев, близ самого богатого из испанских островов, мы соберем военный совет и решим, какую крепость мы захватим первой. Все поняли меня?

– Да, – раздался общий ответ.

– Тогда я, Джон Морган, никогда ничего не обещавший впустую, обещаю сделать вас богатыми и могущественными.

– Да здравствует адмирал!

– Теперь расходитесь и помните: полная тайна!

Присутствующие начали бесшумно расходиться. Этот человек обладал какой-то неопостижимой властью над людьми, каждое его слово принималось как безоговорочный приказ.

Железная Рука тоже направился к выходу, но Морган остановил его.

Все вышли, и пират с охотником остались вдвоем. Морган сел и знаком велел сесть и охотнику. Антонио повиновался. Некоторое время оба молчали.

VII. ПЛАНЫ И ПРИЗНАНИЯ

– Так вы и есть знаменитый мексиканский охотник по прозвищу Железная Рука? – спросил Морган.

– Да, – ответил юноша.

– Вас зовут Антонио?

– Так подписал я наш договор.

– Не скажете ли, почему вас прозвали Железная Рука?

– Сеньор, – отвечал мексиканец. – Я покинул страну не мальчиком, а мужчиной. На моей родине мужчины привыкли к борьбе с самыми свирепыми быками. Они укрощают их при помощи копыя или набрасывают им на шею лассо; они убивают их в бою, пользуясь только шпагой и плащом. Здешним охотникам неизвестно это искусство, я же владею им в совершенстве. Вот чем и заслужил я свое прозвище.

– Отлично. Однако ни это прозвище, ни имя Антонио не являются настоящими вашими именами.

Охотник, заметно раздосадованный словами пирата, бросил на него свирепый взгляд, но Морган продолжал невозмутимо:

– Я не знаю вашего настоящего имени, да пока и не хочу знать. Вы отважны, у вас ясный ум и твердая рука, этого для меня достаточно. Вам ненавистно испанское владычество?

– О да! – воскликнул Железная Рука.

– Вы поняли мой замысел?

– Думаю, что понял. Речь идет о том, чтобы лишить Испанию господства над здешними морями и владычества над островами. Речь идет о том, чтобы прервать морские коммуникации Испании и уничтожить ее флот.

– И как вы относитесь к такому плану?

– Это прекрасно. Настолько прекрасно, что, не колеблясь ни мгновения, я примкнул к вам, ничуть не думая о такой жалкой приманке, как золото.

– Отлично! Отлично! – с радостью воскликнул пират. – Такие люди, как вы, мне и нужны.

– Боюсь только, что у нас мало сил для осуществления столь грандиозного предприятия.

– И это говорите вы? Молчите, юноша! Отважный человек никогда не должен сомневаться в своих силах. Моя воля так же сильна, как ваша рука, и верьте: не пройдет и месяца, как Антильские острова будут наши. Мы захватим испанские суда, поднимем наш флаг на их мачтах и направим их пушки на флот кастильских королей. Наши имена прогремят по Новому и Старому Свету, внушая ужас морякам всех народов, а береговые страны станут платить дань нашим воинам. Все это сбудется, слышите? Я верю: непременно сбудется! И тогда любая земля, о которой я скажу – «она моя», станет моей. Мои корабли, бороздя простор океана, проведут незримую границу, преступить которую не посмеет ни один моряк... И повсюду, где только шумят морские волны, наша власть будет равна власти королей.

Охотник в волнении слушал речь Моргана. Отвага, страх, воодушевление заражают собеседника, если они и впрямь бушуют у говорящего.

Глаза пирата сверкали фосфорическим блеском, лицо пылало, голос звучал вдохновенно, верой дышало каждое его слово, каждое движение. Казалось, он видит воочию нарисованную его воображением картину, видит, как реют на испанских кораблях его флаги, слышит сигнал боевой тревоги, ружейную стрельбу, гром пушек, крики пиратов. Чувствует на своем лице жар огня и дыхание ветра, дующего с берегов Мексики или Большой Земли. Морган был упоен своим видением.

Железная Рука разделял воодушевление и веру пирата. Глаза его сверкали, рука невольно тянулась к рукояти ножа.

– Да будет так! – воскликнул он, не в силах сдержаться. – Нашими будут острова, нам будут принадлежать моря, испанский флаг не осмелится появиться в этих водах, и Мексика будет свободна, свободна, потому что мы вырвем ее из-под власти Карла V и Филиппа II.

– Юноша, – сказал пират, – я вижу, вера воспламенила и ваше сердце.

– Я жажду начать борьбу, жажду того часа, когда с горстью смельчаков возьму на abordаж великолепно оснащенный корабль наших поработителей...

– Вы моряк? Вы хорошо владеете оружием?

– Я моряк и так же хорошо владею кинжалом и abordажным топором, как мушкетом охотника.

– Хотите ли вы дождаться корабля, который придет за вашими товарищами, или предпочтаете отправиться со мной?

– Я хотел бы отправиться с вами, если до этого у меня хватит времени проститься с женщиной, которую я люблю.

– Вы любите?

– Всем сердцем!

– Теперь вы нравитесь мне еще больше. Сердце, способное любить с таким жаром, – большое сердце, способное на великие страсти и героические подвиги. Если женщина эта живет недалеко, вы успеете проститься. Сейчас уже рассвело, но я отплываю только завтра на рассвете. В вашем распоряжении целый день и почти вся ночь.

– Этого достаточно. Я отправляюсь с вами.

– Но знайте, путь наш полон опасностей. Мы можем попасть в руки испанцев, можем пойти ко дну, ведь нам придется пересекать океан на шлюпке.

– Пустое, можете рассчитывать на меня.

– Тогда завтра на рассвете.

– А где мы встретимся?

– Вы найдете меня на мысе Тибурон.

– Я буду без опоздания.

Они с жаром пожали друг другу руки и вместе вышли из дома. Морган почти сразу затерялся в лесных зарослях, а Железная Рука зашагал по дороге в Сан-Хуан-де-Гоаве.

День занимался. Развалины, где собирались заговорщики, обезлюдели, и о ночном сборище можно было догадываться лишь по легким струйкам дыма, которые поднимались над подернутыми пеплом, угасающими кострами.

Когда охотник подошел к селению, оно уже проснулось. Во многих домах были открыты двери и горел огонь, разгоняя предрассветный сумрак.

Исаак стоял, как страж, на пороге таверны. Железная Рука прошел мимо него не поздоровавшись и последовал дальше в такой глубокой задумчивости, что долгое время не замечал следовавшую за ним по пятам собаку. Наконец он остановился, собака остановилась рядом: тут он увидел ее и узнал Титана, подаренного им Хулии. На шее у пса был надет нарядный ошейник.

Очевидно, ошейник этот имел какое-то значение, понятное влюбленному юноше, потому что глаза его радостно сверкнули, а лицо просветлело. Не задерживаясь ни на минуту, даже не приласкав собаку, он быстрым шагом направился к ближайшей роще.

Забравшись в чащу кустарников, он внимательно огляделся по сторонам и, убедившись, что кругом никого нет, подозвал пса и снял с него ошейник. В ошейнике был потайной кармашек, сделанный из той же кожи и скрытый так искусно, что непосвященному найти его было бы невозможно.

В кармашке лежала записка, Антонио осторожно вытащил ее и развернул. Там было сказано:

«Антонио, мы очень несчастны. Надеешься ли ты на бога, как я? Приходи в полночь и жди меня в саду.
Хулия».

Охотник сорвал нежный лиловый цветок гуаякана и положил его на место записки. Это был ответ. Он снова надел на Титана ошейник и сказал, указывая на дорогу:

– Теперь домой, домой!

И умный пес, опустив уши, помчался. Антонио перечел записку еще раз десять, спрятал ее в карман и, миновав деревню, направился в горы. Примерно через час охотники заметили, как он прошел, глубоко задумавшись, и уединился в своем шалаше.

Любовь, патриотические чувства, честолюбие, стремление к славе, надежды на будущее бушевали в груди этого человека, который чувствовал себя способным на великие дела и видел, что союз с Морганом открывает перед ним дорогу к необыкновенным подвигам; он понимал, что мог быть счастлив с Хулией и теперь терял ее, он знал, что окончательно порывает с обществом и навеки уходит от любимой женщины.

Весь день Антонио не выходил из своего шалаша и притворялся спящим всякий раз, как кто-нибудь из охотников заходил поговорить с ним.

Картины прошлого и будущего, страхи и надежды сменялись в его воображении, он предавался мучительным сомнениям, как всякий человек перед решающим шагом в своей жизни.

Под вечер Антонио задремал, ему приснилось, будто Хулия и Морган бросают жребий: кому достанется его сердце. Он очнулся в холодном поту и вернулся к действительности.

Выиграл пират.

VIII. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Педро Хуан де Борика не преминул явиться к сеньоре Магдалене за ответом, хотя заранее не сомневался в благоприятном исходе.

Как все глупцы, Педро Хуан был тщеславен и, как все люди, страдающие этим недостатком, очень заботился о своей внешности и полагал, что лишнее кольцо, новая золотая цепь или богатая пряжка на шляпе – лучшее украшение для жениха и соблазнительная приманка для женщины.

Подобные люди считают женщину глупой птицей, которую можно ослепить солнечным зайчиком, и придерживаются в отношении возвышенной и прекраснейшей половины рода человеческого того мнения, какого заслуживают сами.

Сеньора Магдалена уже поджидала Хуана. Она не была заурядной женщиной, способной соблазниться пышным нарядом или драгоценностями живодера. Но в сорок лет заполучить богатого и глупого мужа – перед таким искушением устояли бы немногие.

Предложение живодера явилось для матери Хулии, которая и не помышляла о вторичном замужестве, как бы чудом, нечаянным даром судьбы. Потому-то она с нетерпением и не без легкой тревоги поджидала испанца, опасаясь, не раздумал ли он. Все это было вполне естественно, и никто не мог бы осудить благоразумную вдову Лафонт.

При виде появившегося в саду живодера сеньора Магдалена, невзирая на свои сорок весен, зарделась как маков цвет и приняла томный вид, хотя сердце ее бешено колотилось. Женщина всегда трепещет перед тем, как ответить «да», но безмятежно произносит «нет». Наблюдение, говорящее не в пользу прекрасного пола.

– Сеньора, – низко поклонившись, начал Хуан, – я пришел услышать свой приговор. – И про себя подумал: «А бабенка недурна, как только я раньше этого не заметил?»

– Кабальеро, – пролепетала сеньора Магдалена, потупив очи и еще больше заливаясь краской, – я почти и не думала об этом...

– Не думали, сеньора? Неужели вы так пренебрегаете мною?

– Пренебрегаю? О нет, скорее наоборот.

– Так, значит, вы согласны стать моей супругой! – воскликнул живодер, взяв в свои руки все еще нежную ручку сеньоры Магдалены.

– Не знаю, что и сказать, – отвечала она, не отнимая, впрочем, руки.

«Смелее!» – подумал Хуан и, поднеся ее руку к губам, воскликнул:

– Сеньора, не заставляйте меня больше страдать! Будете ли вы моей женой?

– Да, – трепеща, ответила сеньора Магдалена и почувствовала на своей руке страстные поцелуи Медведя-толстосума.

В этот момент Хуан воображал, будто и впрямь любит свою невесту, она же и вовсе этому поверила: в ее груди даже шевельнулось какое-то чувство к этому человеку.

Любовь подобна горному склону, – стоит лишь ступить на него, а дальше уже спускаешься без труда: достаточно поверить, что любишь, чтобы, действительно полюбить.

– Магдалена, – сказал живодер, почувствовав себя свободно, – когда вы хотите назначить нашу свадьбу?

– Когда вам будет угодно, – робея, ответила сеньора Лафонт.

– В таком случае, чем раньше, тем лучше, – я хочу как можно скорее уехать с этого острова. Вы согласны, красотка моя?

Много лет уже не слыхала сеньора Магдалена, чтобы ее называли «моя красотка», и эти слова живительной влагой оросили ее сердце.

– Да, да, чем раньше, тем лучше, – заговорила она, воодушевляясь. – Уедем отсюда и, если вы согласны, прежде всего покинем это селение.

– Разумеется; к счастью, я могу превратить в деньги все мое имущество в течение одного дня, я говорю о еще не проданных товарах. А ваш дом купят, лишь только узнают, что он продается. Мы тут же отправимся в Санто-Доминго и там, в городе, сможем без помехи обдумать, где бы нам обосноваться и зажить спокойно и счастливо.

– Это вы очень хорошо придумали, очень хорошо.

Так, мечтая об ожидавшей их безоблачной жизни, строя планы и перемежая их любовными объяснениями, – которые сеньора Магдалена выслушивала с удовольствием, а Хуан Педро произносил почти от чистого сердца, – они проговорили больше часа. Наконец живодер распрощался и пошел готовиться к свадьбе и к отъезду.

– Пожалуй, я останусь не в накладе, – раздумывал он, шагая к дому, – если даже придется всегда жить с матерью; эта вдовушка весьма аппетитна и к тому же любезна, а ручки у нее... Вот она, порода, порода... люблю французов!..

Хулия не слыхала, о чем говорили сеньора Магдалена с Хуаном; но она все поняла, когда увидела, с каким самодовольным видом вышел из дома живодер, и заметила счастливую улыбку на пылающем лице матери.

Неожиданное сватовство произвело такое впечатление на сеньору Магдалену, что она почти перестала упрекать Хулию за ее любовь к Антонио. Увлеченная мыслями о собственном счастье, мать совсем позабыла о дочери.

Сначала Хулия опасалась семейной грозы. Но проходил час за часом, а сеньора Магдалена по-прежнему улыбалась и ласкала ее. Девушка приободрилась и, осмелев, назначила Антонио свидание.

Настал вечер, Хулия нетерпеливо считала минуты, ей казалось, что сеньора Магдалена слишком медлит с отходом ко сну. Однако ей удалось скрыть свое волнение. Наконец в доме все затихло. Убедившись, что мать крепко спит, Хулия села у окна, выходящего в сад, и стала ждать.

Ночной ветерок нежно и печально шелестел листвой деревьев, луна озаряла небосвод слабым зеленоватым светом. Глубокое молчание лесов нарушалось лишь пением ночных птиц да мычанием коров.

Хулия ждала долго. Она вспоминала прошлое, вопрошала судьбу о будущем, с тоской думала о настоящем. Мысли девушки были далеко, когда легкий шум в саду вернул ее на землю. При свете луны она узнала молодого охотника.

– Подожди меня, – шепнула Хулия.

Железная Рука спрятался в тени густого дерева, и вскоре Хулия была рядом с ним.

– Моя мать спит крепко, – сказала она, – но все же, я думаю, нам спокойнее будет в лесу.

И, не дожидаясь ответа, она направилась к потайной лазейке, скрытой вьюнками и кустарником. Железная Рука молча последовал за ней. Они вышли на дорогу и углубились в небольшой лесок.

– Антонио, – сказала Хулия, внезапно остановившись, – не правда ли, мы очень несчастны?

– Да, моя Хулия, это правда.

– Что же ты думаешь делать?

– Хулия, если бы я не любил тебя такой чистой любовью, если бы страсть моя не равнялась моему уважению, я сказал бы: «Хулия, иди со мной, бежим, и ты будешь принадлежать мне в глухом лесу, будешь жить в моей хижине, станешь женой охотника, и дни наши пронесутся в счастье и радости, как пронесется легкий ветер над цветами». Но нет, любовь моя, я слишком сильно люблю тебя. Я понимаю, что хотя мы будем счастливы, но я оторву тебя от общества, от света, куда мы рано или поздно должны вернуться. Я хотел бы привести тебя в мой дом и с гордостью назвать своей супругой. Я понимаю, что если ты убежишь со мной, оста-

вишь свою мать, то после первых счастливых дней настанет для тебя пора раскаяния, печали, отвращения, и ты разлюбишь меня.

– Не говори так, Антонио!

– Нет, ангел мой, я говорю так, потому что это правда. Я – дворянин, я принадлежу к знатному роду. Не смотри на то, что я живу в горах вместе с охотниками. Не думай, что я искатель приключений без имени, без семьи, без состояния. Нет, Хулия. В эту ночь перед долгой разлукой я хочу открыться тебе. Кто я – ты в свое время узнаешь. Теперь же, радость моей жизни, тебе достаточно знать, что я человек, достойный твоей любви.

– Кем бы ты ни был, Антонио, дворянином или простолюдином, богачом или нищим, маркизом или охотником, я люблю тебя и буду любить вечно, тебя самого, только тебя. Я буду хранить твою тайну, не пытаюсь проникнуть в нее, я подчинюсь любому твоему решению, потому что я обожаю тебя, потому что нет у меня другой воли, чем твоя, других желаний, чем твои, других надежд, чем твои. Говори, приказывай, Антонио! Я твоя, и тебе принадлежит моя жизнь, моя честь, мое будущее.

– О, ангельская душа! – сказал охотник, сжимая Хулию в объятиях, – твоя невинность и твоя любовь – вот защита твоей добродетели. Выслушай меня: утром мы должны расстаться. Поклянись, что останешься верна мне, и я ручаюсь за наше будущее и обещаю тебе, что мы будем счастливы.

– Клянусь! – пылко воскликнула девушка.

– Что бы ни случилось с тобой или со мной?

– Да!

– Даже если ты услышишь обо мне самое дурное, что только может быть на свете, если тебе скажут, что я изменил твоей любви, что я умер?

– Да, да! – рыдая, повторяла Хулия.

– Хулия, не забывай этой клятвы, принесенной здесь, в лесу, перед лицом бога.

– Никогда! – с еще большим жаром воскликнула Хулия.

Их души слились в долгом поцелуе.

– Прощай, Антонио, – произнесла, выскользнув из его объятий Хулия. – Прощай. Скоро я увижу тебя?

– Нет, Хулия. На рассвете я уезжаю.

– Ты уезжаешь? – в ужасе воскликнула девушка. – Но куда? Куда?

– Сам не знаю. Я иду, следуя велению судьбы, иду, чтобы завоевать свободу и отомстить за мою родину.

– Объясни, что это значит, объясни, ради бога! Твои слова пугают меня, в них кроется тайна. Куда ты идешь? Что собираешься делать?

– Хулия, утром я покидаю селение вместе с Морганом. Теперь я заодно с ним.

– Боже правый! Ты – с Морганом, Антонио! Ты, такой благородный, такой добрый, уедешь с этим пиратом, одно имя которого внушает ужас! Ты тоже стал пиратом? О боже мой, боже мой! Что будет со мной? Что будет с нами?

– Успокойся, ангел мой, успокойся!

– Успокоиться, Антонио? Неужели ты думаешь, я не понимаю, какие опасности грозят тебе? Не знаю, что тебя ждут ужасные кровопролитные сражения? Разве мне неизвестно, что все пираты приговорены к казни, к позорной казни на виселице? И ты хочешь, чтобы я была спокойна, зная, что тучи собрались над твоей головой? Это невозможно, невозможно...

Ломая руки, Хулия рыдала как безумная.

– Хулия! Хулия! – уговаривал ее охотник, потрясенный этим взрывом отчаяния. – Ради бога, во имя нашей любви, умоляю тебя, успокойся, выслушай меня!

– Как можешь ты говорить, чтобы я успокоилась? Ты рискуешь своей жизнью, забыв, что жизнь эта принадлежит мне, что одна мысль о грозящей тебе опасности может убить меня!..

– Хулия, дорогая, все дело в том, что ты веришь людским толкам об этих ужасных опасностях. Нет, любовь моя, все это преувеличения и выдумки. Послушай, помнишь, как расписывали тебе жизнь охотников? Как ты дрожала за меня поминутно? И что же? Разве со мной что-нибудь случилось? Разве я не здесь, с тобой, живой и невредимый? О Хулия! Не верь этим рассказам, они только лишат тебя покоя.

– Антонио, ты обманываешь меня. Ты говоришь все это, чтобы меня утешить, но сам не веришь своим словам. Жизнь охотников опасна, но разве можно сравнить ее с жизнью пиратов? Я это знаю, Антонио, знаю. И если я дрожала за тебя, когда ты охотился в лесах, то что буду испытывать я теперь, когда ты будешь вместе с пиратами, с этим Морганом, этим бесчестным негодяем? Я ненавижу его! Он пришел погубить меня, отнять у меня покой, счастье, жизнь!

– Не думай так, Хулия, ты разрываешь мне сердце. Я люблю тебя больше жизни, я ничего не делаю, ничего не говорю без мысли о тебе. Ты моя душа, моя жизнь, мое вдохновение. Ради тебя я стремлюсь к славе и почестям, ради тебя хочу жить, ради тебя презираю опасность. А без тебя – путеводной звезды моей жизни – что может привлекать меня на земле или на небе? Кто я без твоей любви? Сухое дерево, иссякший источник, угасший костер. Печальный, жалкий призрак, который влачится по земле без веры, без надежды, без будущего. И, зная, что я так тебя люблю, что думаю только о тебе и о твоей любви, ты, Хулия моя, можешь поверить, будто я хочу погубить свою жизнь, расстаться с тобой навеки и ранить твое сердце?

С каждым словом Железной Руки лицо Хулии оживлялось, глаза ее снова заблестели радостью, ночной ветерок осушил слезинки, сверкавшие в шелковых ресницах, а на ее свежих алых губах расцвела счастливая улыбка.

– Антонио, любовь моя! – воскликнула она, не в силах сдержать свои чувства. – Как я счастлива, что ты так любишь меня! Как я счастлива! Боже мой! Боже мой, ниспошли мне все беды мира, только не отнимай у меня эту любовь! Антонио, я больше не плачу, ты любишь меня, наше счастье в твоих руках! Прощай, прощай! Делай, что хочешь, только люби меня и будь счастлив!

– Прощай! – воскликнул охотник.

И девушка, выскользнув из его объятий, легче газели побежала к дому и скрылась в саду.

IX. ПЕРВОЕ ДЕЛО

Прошел лишь месяц после прощания Хулии с возлюбленным, но за этот месяц многое переменялось.

Живодер Педро Хуан де Борика женился на сеньоре Магдалене и, покинув вместе с супругой селение Сан-Хуан-де-Гоаве, поселился в городе Санто-Доминго, надеясь при первом удобном случае отплыть в Новую Испанию. Хулию сеньора Магдалена, разумеется, взяла с собой.

После того как Педро-живодер сбыл свой товар, он оказался очень богат, дом Хулии был продан по выгодной цене, и все говорили, что живодер вывез изрядный капитал. Теперь он собирался заняться в Мексике крупной торговлей.

В то же время из округи исчезли многие охотники, никто не сомневался, что они примкнули к пиратам.

Это известие, облетевшее весь остров, встревожило испанские власти в Антильских владениях, и они немедленно отправили донесения в столицу Испании, сообщая, что грозный пират Джон Морган замышляет какие-то серьезные действия против испанской короны.

Однажды в водах, омывающих южное побережье Кубы, на самом горизонте, появился едва заметный парус. Постепенно ускоряя свой бег, он стал приближаться к острову. Вдруг за ним показался второй, затем третий, четвертый парус, пока не набралось их целых двенадцать, и все они, подобно стае белых цапель, летящих над морской гладью, стремительно понеслись к берегу.

Вечерело. Море было спокойно, волны, едва колебля поверхность огромной чаши с жидким серебром, тяжело и лениво набегали на прибрежные скалы.

Попутный ветер надувал паруса, и корабли могли беспрепятственно пристать к берегу и высадить своих людей. Однако случилось иначе. Когда суда были уже совсем близко, резкий крик лоцмана, замерявшего глубину, возвестил, что можно отдать якоря, и передовой корабль, словно конь, почувствовавший узду, вздрогнул и замедлил ход. Раздался скрежет цепей, послышалась дудка боцмана, потом удар якоря о воду, и корабль закачался на волнах.

Остальные суда повторили тот же маневр, и вскоре вся флотилия встала на якорь в виду острова.

На шканцах первого корабля можно было увидеть человека, который с равнодушным, даже пренебрежительным видом наблюдал за всеми передвижениями. Едва суда встали на якорь, человек этот отдал приказ, и в тот же миг на грот-мачте взвились флаг и вымпел. Остальные суда немедленно спустили на воду шлюпки, бросили трапы, по ним сошли капитаны, и шлюпки понеслись на веслах к флагманскому кораблю. Все они подошли почти одновременно; капитаны поднялись на борт, а шлюпки, окружив корабль, остались их ждать.

Человек, подавший сигнал, был Джон Морган, адмирал пиратской флотилии. Он призвал к себе капитанов, чтобы держать с ними первый военный совет, как было обещано при встрече на Эспаньоле.

Пираты, собравшиеся в южных водах острова Кубы, располагали внушительными силами. Теперь им предстояло решить судьбу испанской торговли и испанского флота, а также назначить время и место первого морского сражения.

Морган сдержал свое слово.

День стоял ясный. Свежий бриз играл флагом и вымпелом на мачте адмиральского корабля. На палубе пираты держали совет, подобно генералам армии, собравшимся в лагере перед битвой.

– Испанская эскадра, – начал Морган, – должна прибыть на днях к острову Эспаньола. Ее назначение – охрана груженных золотом судов и барж, которые отправляет за океан вице-

король Новой Испании. Кроме того, эскадре поручено сопровождать корабли с богатым грузом, следующие из Маракайбо в Веракрус. Вместе с флотом придут также несколько судов из Испании и адмирал флота дон Алонсо-дель-Кампо-и-Эспиноса. Итак, настало время действовать, и я хочу посвятить вас в свои планы.

Пираты удвоили внимание.

– Мы встанем в виду испанской эскадры и постараемся использовать любой удобный случай, чтобы завладеть каким-нибудь кораблем, но только не вступая в бой. Если судьба нам поможет – отлично! Если же нет, то, выждав, пока испанцы направятся к берегам Юкатана или в Веракрус, мы нападём на Панаму или на Картахену, а там посмотрим. Согласны?

– Да, – ответили пираты.

– Однако этот план потребует изменения существующего у нас порядка. Наша флотилия будет разделена на две части: одна двинется впереди испанских кораблей, отвлекая их внимание. Вторая – командование над ней приму я сам – пойдёт на захват острова Санта-Каталина. Там будет наш главный оплот, оттуда мы сможем вести наступление на города и порты Большой Земли.

Капитаны молча выразили согласие.

– Бродели! – позвал Морган.

Поднялся один из капитанов, человек необыкновенно высокого роста.

– Я назначаю тебя, – сказал Морган, – вице-адмиралом и начальником второй флотилии. Отбери себе нужные корабли, действуй так, как было сказано, и по выполнении возвращайся на остров Санта-Каталина – к тому времени он будет наш. Сегодня вечером я вручу тебе письменный приказ. И если ветер будет благоприятный, ещё до рассвета вся флотилия должна поднять якоря. Понятно?

Все молча наклонили головы.

– Можете идти.

Пираты встали и, разойдясь по шлюпкам, направились к своим кораблям. Тут были англичане, французы, итальянцы, но все они беспрекословно подчинялись приказам выбранного ими адмирала: среди этих людей царили дисциплина и послушание, которым мог бы позавидовать королевский флот Испании.

На корабле Моргана, словно дожидаясь дальнейших приказаний, остался только итальянец, который отозвался на имя Бродели и так просто был назначен вице-адмиралом.

– Слушай меня внимательно, – обратился к нему Морган, – твоя задача заключается не только в том, чтобы отвлечь внимание противника, ты должен, кроме того, разведать количество и подготовку его людей, его вооружение, запасы продовольствия, и если удастся, то его намерения, а также характер и личные качества адмирала.

– Слушаюсь, – отвечал Бродели.

– И вот как следует для этого действовать: испанская эскадра остановится у берегов Эспаньолы; один из наших, самый отважный, самый сообразительный и надёжный, должен высадиться на острове и добраться до порта, в котором будет стоять эскадра. Там он разведает все, что сможет. Потом ему следует попасть на службу к испанскому адмиралу, пусть служит усердно и постарается войти к нему в доверие, а затем, когда он раздобудет нужные сведения, пусть приложит все силы, чтобы снова соединиться с тобой или со мной, это уж безразлично.

– Но разве это возможно?

– Он должен попытаться. Если погибнет – такова уж его судьба. Если все выполнит – таков его долг.

– А кто же этот человек? Мне кажется, в нашей флотилии нет ни одного, способного на такое дело.

– Просто ты ещё не знаешь людей; сейчас я приведу его.

Оставив итальянца одного, Морган спустился в трюм и вскоре вернулся в сопровождении Железной Руки.

– Вот он, – сказал адмирал.

Бродели окинул испытующим взором необычное лицо мексиканца, который стоял перед ним, рассеянно глядя на волны, лизавшие борт корабля.

– Он что-нибудь смыслит в морском деле?

– Стоит лучшего лоцмана.

– Знает ли он, что ему нужно делать?

– Да. Кроме того, ты сам ему это скажешь.

– Отлично. Он пойдет со мной?

– Немедля.

– Как его зовут?

– Антонио.

– И все?

– На море – все.

– Ну что ж. А письменный приказ?

– Держи, – сказал Морган, протягивая итальянцу толстый свиток пергамента. – Здесь все сказано.

– Мне можно идти?

– Иди, и до свидания на берегах Санта-Каталины.

– Следуйте за мной, – сказал Бродели, обращаясь к Антонио.

Юноша молча пошел за итальянцем. Ступив на трап, он почувствовал, что кто-то взял его за плечо. Антонио обернулся – Морган протягивал ему руку для прощального пожатия. Антонио крепко стиснул руку адмиралу и сел в шлюпку. Вскоре они взойшли на корабль, которым командовал Бродели.

Ночь набросила черное покрывало на морские просторы. В темноте раздавались слова команды, свистки, скрип снастей. Когда снова блеснула заря, все корабли исчезли бесследно, лишь на горизонте едва можно было различить удалявшиеся паруса.

Началось время жестоких сражений, которые дорого обошлись испанской монархии.

Х. «САНТА-МАРИЯ ДЕ ЛА ВИКТОРИЯ»

Морган сказал правду: вскоре обитатели острова Эспаньола увидели у своих берегов мощную эскадру, которая шла под кастильским флагом, конвоируя торговые суда, направлявшиеся в Новую Испанию.

Эскадра собиралась бросить якорь ненадолго. Шел слух, будто адмирал получил приказ зайти в эти воды с тем, чтобы начать преследование и уничтожение пиратов, открывших враждебные действия против испанского флота.

Многие офицеры сошли на берег, и остров сразу ожил, взбудораженный вестью о приходе судов.

На второй день после прибытия эскадры несколько моряков с корабля «Санта-Мария де Грасия», оживленно беседуя, прогуливались по набережной. К ним подошел молодой еще человек, судя по одежде принадлежавший к бедному сословию.

– Простите, ваша милость, – обратился он к старшему по чину. – Я не знаю, как принято говорить о таких делах среди сеньоров, но видите ли, я хотел бы отправиться на каком-нибудь из этих кораблей.

– Отправиться? Куда же? – спросил офицер, решив посмеяться над простаком.

– Куда угодно. В общем, я хочу наняться, завербоваться.

– Что ж! Это нетрудно, если ты хоть что-нибудь смыслишь в морском деле.

– В этом, ваша милость, не сомневайтесь.

– И ты знаешь название всех снастей и умеешь выполнять все маневры?

– Да, сеньор, все, что угодно вашей милости; класть найтовы, подхватывать тросом грузы, брать рифы, крепить паруса.

– Отлично, а умеешь ли ты грести?

– Багром я орудую – лучше не надо, а шлюпку умею направлять и рулем, и кормовым веслом.

– А еще что ты умеешь?

– Знаю компасные румбы и могу управляться с компасом, как полагается рулевому.

Моряк начал присматриваться к собеседнику с интересом.

– Ты был моряком? – спросил он.

– Нет, сеньор.

– Откуда же ты все знаешь?

– Мой отец, испанец, был богатым человеком, у него было несколько кораблей. Много лет мы жили в порту, вот почему я и знаю морское дело.

– А теперь? – спросил моряк, попав на удочку и помогая незнакомцу рассказывать выдуманную им историю.

– Теперь моего отца уже нет, он разорился и умер в нищете, а я остался один и хочу сам зарабатывать себе на хлеб.

– И что же ты хочешь, стать матросом или солдатом на корабле?

– Да кем придется. Помогите мне получить какое-нибудь место, и я буду по гроб жизни вам благодарен.

– А умеешь ли ты обращаться с пушкой?

– Когда-то я присматривался к этому делу. Думаю, мне нетрудно будет вспомнить.

– Отлично. Завтра утром жди на этом же месте. За тобой придут.

– Слушаю, сеньор.

Человек отступил с дороги и низко поклонился, а моряк, пройдя мимо, весело сказал своим товарищам:

– Я знаю береговых жителей, этот парень для нас сущая находка...

На следующее утро к борту корабля «Санта-Мария де ла Виктория» пристала шлюпка; первым вышел из нее и поднялся по веревочному трапу человек, который беседовал накануне с офицером. Читатели, без сомнения, догадались, что новый доброволец испанского флота был не кто иной, как охотник Антонио Железная Рука.

Адмирал дал приказ поднять якоря на следующий день, и вот на берегу и на борту, особенно на торговых судах, закипела работа.

Жители острова Эспаньола были встревожены недавним появлением пиратов, и многие из них только и ждали надежной охраны, чтобы отправиться в другие края. Теперь им представился удобный случай, и немало семейств собиралось переселиться на Большую Землю или в Мексику. В порту царило необычное оживление. Лодки и каноэ бороздили воды залива по всем направлениям. Набережная была заполнена толпами зрителей, а на палубах торговых судов путешественники, быть может, навсегда покидавшие этот край, печально всматривались в знакомые берега.

Военные корабли, казалось, не удостаивали вниманием это трогательное зрелище, на палубах не видно было ни одного матроса. Только часовые стояли на посту, неподвижные, как корабельные мачты, равнодушные ко всему, что происходило вокруг.

Волны то мягко, то с неожиданной силой бились о борта кораблей, соскальзывали с них потоками серебра и брильянтов и снова продолжали свой вечный бег к берегу.

Один за другим корабли распускали белые паруса, и вскоре эскадра, до тех пор напоминавшая дубовую рощу с облетевшей листвой, стала подобна большому городу с высокими стройными зданиями.

Грянул пушечный залп, и, разрезая водную гладь, суда двинулись вперед, оставляя за собой кипящий пенистый след, который долго еще отмечал путь уходящих кораблей.

Свежий попутный ветер надувал паруса, корабли скользили по волнам, грациозно склонившись набок. Такое отплытие считается у моряков хорошим предзнаменованием.

День прошел в однообразии морской жизни. Волны и небеса оставались неизменны, одни – в вечном движении, другие – в вечном покое. Земля постепенно исчезала в тумане, затянувшем горизонт, подобно пороховому дыму; солнце клонилось к западу.

Вечерние тени тронули серым налетом сначала волны, потом небесную твердь. Но вот свет померк, и только фосфорические вспышки время от времени нарушали печальное однообразие моря, прорывая черный креп, окутавший весь мир.

Флагманский корабль зажег три фонаря на корме и один на марсе, и немедля все остальные суда зажгли по одному фонарю на корме.

– Что это за сигнал? – спросил Антонио у матроса, с которым постарался подружиться.

– На нашей эскадре такой сигнал означает – опасности нет.

– А какая же может быть опасность?

– Тысяча чертей! Откуда ты свалился? Разве ты не слышал об этих дьяволах пиратах? Да их здесь полно.

– Я жил на берегу, а там их не боятся.

– Не боятся? Проклятье! Значит, ты полагаешь, будто я их боюсь?

– Нет, нет, клянусь тебе...

– Да пусть приходят хоть все, вместе со своим Морганом! У нашей «Санта-Марии де ла Виктории» столько медных глоток, и она даст этим разбойникам столько советов, что их посудина сразу станет похожа на мою дырявую рубаху.

– Да уж наверное...

– А потом, наш капитан дон Андрес Савалоситен – настоящий зверь! Взять его на абордаж – все равно что меня заставить служить мессу.

– Храбрец?

– Гром битвы – для него музыка. Хотел бы я, чтобы началось дело – ты бы получил удовольствие, клянусь душой своего отца!

– И долго мы будем плавать в этих водах?

– Чего не знаю, того не знаю. Поговаривают, что до тех пор, пока не покончим с пиратами и не доставим его величеству головы всех этих псов, будь они неладны!

В это время вдали сверкнула молния, как бы возникшая в глубинах океана, и следом за ней прокатилось гулкое гроыхание.

– Выстрел! – воскликнул Железная Рука.

– Сигнал, – спокойно ответил матрос.

Капитан мгновенно появился на палубе, а все матросы и солдаты стали напряженно прислушиваться.

Прошло несколько секунд, затем один за другим прозвучали три пушечных выстрела, и снова все смолкло.

– А это что значит? – шепотом спросил Антонио.

– Замечены подозрительные корабли.

– А кто дал этот сигнал?

– Одно из разведывательных судов, посланных вперед.

Капитан стоял не шелохнувшись. На марсе флагманского корабля погас фонарь, и немедленно все остальные суда погасили фонари на корме.

– Возможно, ничего и не будет, – сказал матрос, – а это очень жаль, ведь опасность грозит только торговым судам. Первая же пуля пробьет их скорлупу.

Снова раздался выстрел, затем второй, а после минутного перерыва – пять выстрелов подряд.

– Вражеская эскадра, но она бежит от нас, – сказал матрос.

Теперь Антонио все понял: вторая флотилия Моргана под командованием вице-адмирала начала маневрировать согласно полученному наказу. Объявленная тревога должна была или затянуться, или привести к сражению.

Сигналы следовали один за другим, и матрос объяснял Железной Руке их значение.

– Противник идет на фордевинд.

– Разведчики просят разрешения продолжать преследование.

– Флагманский корабль дал согласие.

Так прошло около часа. Но вот прозвучал сигнал, после которого матрос в удивлении поднял голову. То был один выстрел, потом три, потом еще три.

– Что случилось? – спросил Антонио.

– Противник лег на другой галс.

– Ты думаешь, он хочет сражаться?

– А зачем же тогда менять галс? Разве что они хотят сдаться...

– Еще сигнал?

– Да... идет в крутой бейдевинд.

С флагманского корабля дали два выстрела, потом один, а за ним еще два.

– Наконец-то! – выпрямившись во весь рост, сказал матрос.

– Что это?

– Принять боевой порядок.

– Без боевой тревоги?

– Этот сигнал дается раньше.

Все пришло в движение на кораблях, и тут же прозвучал сигнал боевой тревоги. Словно ретивые кони, направляемые твердой рукой всадника, двинулись корабли занимать назначенное им место и вскоре, несмотря на ночную темноту, можно было понять, что боевой порядок образован, а торговые суда помещены в арьергарде.

Теперь началась подготовка к сражению.

XI. «ЗНАМЕНИТЫЙ КАНТАБРИЕЦ»

Среди торговых судов, следующих под охраной испанского королевского флота, был корабль, который держался на воде скорее благодаря каким-то чарам или воле своего капитана, нежели благодаря своей оснастке и прочности кузова.

Эта старая, разбитая посуда, носившая пышное название «Знаменитый кантабриец», ныряла в волнах, подобно чайке с подбитым крылом, и, даже подняв все свои паруса, с трудом поспевала за мощными судами королевской эскадры.

Капитана, который вел это чудо мореплавания, звали дон Симеон Торрентес. Старый морской волк, мрачный брюзга изрыгал проклятия, от которых дрожали корабельные мачты, а с экипажем обращался не более почтительно, чем торговец мулами из Новой Испании со своим товаром. Матросы подобрались под стать капитану; шатаясь по морям на своей посудине, они обросли бородами и поседели, и можно было сказать без ошибки, что даже юнги на «Знаменитом кантабрийце» были стариками.

На этот-то корабль попали пассажирами трое наших знакомых, направлявшиеся в Вера-крус: сеньора Магдалена, ее дочь Хулия Лафонт и Педро Хуан де Борика, бывший живодер из селения Сан-Хуан-де-Гоаве. Больше никто не решился доверить свою жизнь ненадежной палубе «Знаменитого кантабрийца», и, возможно, поэтому, а быть может, по другим нам неизвестным причинам дон Симеон Торрентес был раздражен сверх меры.

Педро Хуан, Медведь-толстосум, и его новое семейство были приняты на борту корабля весьма сухо.

– Ну и злющее же лицо у этого человека, – шепнул Педро сеньоре Магдалене.

– Как у всех испанцев, – равнодушно ответила она.

– Магдалена! Магдалена! – укоризненно воскликнул Педро. – Так-то ты выполняешь свое слово. Ведь в день нашей свадьбы ты пообещала не говорить плохо об испанцах.

– Верно, верно, прости меня. Но иной раз я говорю это, даже не думая.

Тут Хуан почувствовал первые признаки морской болезни и решил подняться на палубу, в надежде что свежий морской ветер подкрепит его силы.

«Знаменитый кантабриец» шел на всех парусах, тяжело зарываясь в волны и продвигаясь с быстротой погребального шествия. Капитан стоял на палубе, покуривая трубку, когда неожиданно над одним из люков появилась голова живодера. Капитан, увидев его, процедил сквозь зубы какое-то проклятие и с досадой отвел глаза. Было ясно, что Хуан пришелся не по душе дону Симеону Торрентесу.

Медведь-толстосум поднялся по трапу и, устроившись на палубе, устремил печальный взор в морскую даль. Дон Симеон продолжал спокойно курить, выпуская густые клубы дыма и время от времени бросая свирепые взгляды на Хуана, который даже не видел его.

Теперь «Знаменитый кантабриец», казалось, двигался еще медленнее. Дым из трубки капитана, не рассеиваясь, тучей навис над его головой, едва заметно поднимаясь легкими спиралями в небо. Ветер стих, и паруса заполоскали.

– Тысяча молний в пороховой погреб! – прорычал старый капитан. – Этот ветер подводит нас...

Он стал всматриваться в горизонт.

– И без всякой причины, без всякой причины, – продолжал он. – Да поглотят меня хляби морские, если где-нибудь есть хоть одна неблагоприятная примета. А между тем «Знаменитый кантабриец» идет так тяжело, будто под нами не вода, а мед. Клянусь дьяволом, виновата скверная рожа этого пассажира. У него дурной глаз. Свидетель бог, если он не спустится в трюм, я его отправлю на ужин акулам.

Хуан, искавший на палубе свежего ветерка, нашел только солнце и совершенно неподвижный, воздух. Не почувствовав никакого облегчения, он снова направился к люку и скрылся. Случайно в тот самый миг, когда капитан потерял его из виду, порыв свежего ветра подернул рябью водную гладь, наполнил паруса «Знаменитого кантабрийца» и запел в старых снастях. Однако дон Симеон Торрентес разразился не радостным, а гневным криком:

– Все бури ада! Теперь ясно: на беду свою я взял этого проклятого пассажира, похожего скорее на медведя, чем на христианина! Он-то и пугает ветер, теперь мне все ясно! Он еще принесет нам несчастье... Но если море разбушует, клянусь прахом моих предков, я швырну его в воду, и пусть там спознается с акулами.

Ветер дул до самого вечера, но снова внезапно стих, едва на палубе показался Хуан вместе с Магдаленой. В этот момент капитана поблизости не было, однако он не мог не заметить, что корабль замедлил ход, и поспешно поднялся на палубу, с беспокойством поглядывая на бессильно повисшие паруса. Осмотревшись вокруг, он увидел Хуана и сеньору Магдалену. Ярость вспыхнула в нем с новой силой, ведь, по его мнению, именно Хуан пугал и прогонял ветер, а значит, он-то и был виновен в задержке, которая грозила им опасной встречей с пиратами, если они действительно были близко.

Дон Симеон решительно направился к Хуану, который, глядя на море, мирно беседовал с сеньорой Магдаленой. Подойдя незаметно и остановившись у них за спиной, капитан заорал и затопал ногами в таком бешенстве, что любая менее привычная палуба непременно провалилась бы:

– Клянусь всеми чертями и дьяволами ада!..

Хуан и его жена в испуге оглянулись. Капитан, стиснув зубы и сжав кулаки, смотрел на живодера, вертя во все стороны головой. Педро Хуан рад был бы отступить, но деваться было некуда.

– Гм! – произнес Симеон, стараясь сдержаться.

– Что вам угодно? – пролепетал через силу Хуан.

– Смотрите! – сказал дон Симеон, хватая его за руку и указывая на повисшие паруса.

– Нам грозит непогода? – простодушно спросил Хуан.

– Вам грозит то, что я запрещаю вам ступать на палубу в продолжение всего нашего плавания.

– Мне?

– Да, вам. И, клянусь душами всех уопленников, я швырну вас в море, если вы посмеете послушаться.

Хуан побледнел.

– Но почему? – решительно вмешалась сеньора Магдалена.

– Почему? И вы еще спрашиваете, сеньора! Гром и молния! Разве вы не видите, что ветер стихает, едва только этот человек выходит на палубу?

– Что за чепуха! Какое это имеет отношение?

– Сами вы, сеньора, ни к чему не имеете отношения, а море знаете не больше, чем я папу римского. Все это не женского ума дело. Идите в трюм и вяжите там носки, а если вам так уж нужен этот человек, забирайте его с собой, потому что, клянусь тем днем, когда сожрут меня акулы, я могу не сдержаться и прикажу бросить вас в море, если матросы не сделают это раньше по собственной воле.

– Да сохранит нас господь! – воскликнул Хуан.

– Но это несправедливо, – сказала сеньора Магдалена.

– Что вы в этом понимаете? Справедливо или не справедливо, а судно не идет и может погибнуть, а отвечаю за него я, и команду здесь тоже я, и никто иной.

– Пойдем, – сказал оробевший Хуан и, взяв под руку сеньору Магдалену, направился вниз в свою каюту.

Все эти дни Хулия провела в печальном молчании. Она верила в обещания и любовь Антонио, но, однако же, не могла изгнать из своего сердца глубокую грусть и принималась плакать всякий раз, как оставалась одна, а в обществе родных только и думала что о Железной Руке. Ей вспоминались леса острова Эспаньола, горы, в которых бродили охотники, далекие улицы селения Сан-Хуан-де-Гоаве, и все воспоминания были милы бедняжке Хулии, хотя и ранили ее сердце.

О разлуке говорили многие: кто – плохо, кто – хорошо, кто – превосходно, но никто не поймет всей горечи разлуки, не испытал ее хотя бы однажды. Тоска в разлуке с любимым – один из самых тяжелых случаев болезни, которую принято называть ностальгией. Это – противоречие между желанием и неотступными воспоминаниями, неспособность воли погасить память или подчинить себе сердце. Против подобного недуга есть только два средства, но они почтил недостижимы: забыть или разлюбить. Другими словами, вспоминать без страсти или предать былую страсть забвению. Такая борьба приводит к отчаянию, скорби и даже смерти.

Хулия теряла последние силы, вспоминая остров Эспаньола, где прошла вся ее жизнь. Ей казалось, что, если она и встретится снова с Антонио, нигде они не будут так счастливы, как в селении Сан-Хуан. Бедной девочке довелось увидеть лишь одну грань брильянта, называемого жизнью, и, как все, едва ступившие на ее порог, она считала, что брильянт блесит лишь с одной стороны. Хулия видела мир через замочную скважину и не понимала его.

Сеньора Магдалена, переживая свой второй медовый месяц, едва обращала внимание на дочь, а Хуан поглядывал на Хулию все с большим вожелением, тайно предвкушая день своего торжества, казавшийся ему столь же близким, сколь несомненным. Повседневные встречи с девушкой все более разжигали его воображение. Когда мужчина загорается любовью к женщине и все время находится с ней рядом, то любовь эта, если она безответна, превращается в пылкую страсть и адскую муку. Какая-нибудь случайность или неосторожность может на миг показать несчастному бесценные сокровища прелести и грации, самая недоступность которых еще сильнее возбуждает тайную страсть. Так случилось и с Педро Хуаном: он твердо надеялся, что добром или силой, а Хулия будет принадлежать ему, и все же его неотступно преследовала жажда ускорить желанную развязку.

Медведь-толстосум боролся с искушением, но не мог от него избавиться и оттого еще больше маялся морской болезнью и, чувствуя, что задыхается в своей каюте, стремился на палубу подышать свежим воздухом.

Когда Педро Хуан и сеньора Магдалена вернулись в каюту, Хулия притворилась спящей, чтобы не отрываться от своих мыслей. Бедняжка думала об Антонио, который, наверное, был очень, далеко от нее и, без сомнения, подвергался грозным опасностям.

Живодер, хотя и не посмел ни слова возразить капитану, был взбешен, и жена всячески старалась успокоить его.

– Это неслыханно! – вопил Хуан. – Запрещать человеку, который заплатил деньги, да, собственные деньги, и желает путешествовать с удобствами, запрещать ему подниматься на палубу подышать воздухом. Подлый изверг!

– Успокойся, – уговаривала его сеньора Магдалена, – успокойся, эти испанские моряки всегда так ведут себя.

– Что? Опять испанцы? Ты, наверное, забываешь, что я тоже испанец?

– Нет, нет, я не хотела тебя огорчать. Ты мой муж, и я не могу сказать о тебе ничего дурного. Но ты видишь, какой грубиян этот испанец...

– Да при чем тут испанцы? То же самое мог сказать любой француз...

– Нет, нет, Хуан! Мои земляки совсем другие...

– Готов об заклад биться, что этот негодяй – француз!

– Оставим это, друг мой. Пусть он будет кем угодно, лишь бы не грубил тебе. Но успокойся, уже недолго осталось терпеть.

– Да, совсем недолго, недели две, а то и побольше, или бог его знает, сколько...

– Уверю тебя...

– А эти капитаны кораблей – сущие тираны, они обращаются с нами, сухопутными людьми, как с грузом, хуже того – как с рабами.

– Это бесчестно!

– Не правда ли? Но я не обязан ему подчиняться! Он не король Испании, и, хочет он или не хочет, я буду подниматься на палубу, а если мне вздумается, то и на самую грот-мачту, или как она там называется...

– Господи спаси!

– Я скоро опять туда пойду.

– Делай что хочешь, но только будь благоразумен, старайся не попадаться ему на глаза, – просто чтобы избежать неприятностей.

– Ладно, ладно. Там видно будет.

Дух Педро Хуана несколько успокоился, но тело его жестоко страдало от морской болезни. Он прилег и попытался заснуть, – ничего не получалось. Ночь была душная, Хуан ворочался с боку на бок, не находя удобного положения. Наконец, в ярости вскочив с койки, он взбежал по трапу и снова очутился на палубе. Свежий ночной ветер охладил ему голову и сразу принес облегчение. Бешеного дона Симеона нигде не было видно, полные паруса не полоскали.

Некоторое время Педро Хуан провел в глубокой задумчивости. Только что ему удалось увидеть ножку Хулии, и эта ножка, освещенная каким-то дьявольским светом, витала перед ним в воздухе, чудилась ему в темных небесах и в черной глубине моря. Он замотал головой, пытаясь прогнать наваждение, но вместо этого перед ним заплясало множество ножек, и Педро Хуан облизнулся, как гончая, почуявшая дичь.

В это время, разорвав тишину, до обитателей «Знаменитого кантабрийца» докатилось звучное эхо первого пушечного выстрела. И мгновенно, словно призрак, вызванный заклинанием, появился грозный капитан в сопровождении нескольких матросов. Они о чем-то говорили, сыпали проклятиями, не обращая внимания на Хуана, а тот с ужасом прислушивался к их беседе, которая становилась все более оживленной, по мере того как звучали все более тревожные сигналы и один за другим исчезали огни на корме кораблей.

«Знаменитый кантабриец» тоже погасил свой фонарь.

– Клянусь преисподней! – рявкнул капитан. – Дело серьезное! Черт побери, кто знает, может завязаться бой, а «Знаменитому кантабрийцу» придется плестись в обозе, ведь у него нет даже самой завалящей пушки.

Сигналы следовали один за другим, и эскадра начала маневрировать, принимая боевой порядок. Ветер донес до ушей капитана сигнал боевой тревоги.

– Тысяча чертей! Боевая тревога! Теперь-то завяжется настоящее дело!..

Он как безумный бросился к борту и налетел прямо на притаившегося Педро Хуана.

– А! – взревел он при виде несчастного живодера. – Это вы, это вы! Теперь понятно, все и стряслось, оттого что вы тут! У вас дурной глаз... Сейчас же велю бросить вас в море!

И он повернулся, чтобы кликнуть матроса. Педро Хуан понял, что в этот момент капитан способен на все, и, несмотря на свою неповоротливость, проворно юркнул в люк.

Когда капитан оглянулся, его жертва уже скрылась. Быть может, он и бросился бы в погоню, но в это время новый пушечный выстрел привлек его внимание.

– Противник идет в крутой бейдевинд! – воскликнул он. – Пора приготовиться.

И он принялся отдавать распоряжения на случай опасности.

ХІІ. СРАЖЕНИЕ И БУРЯ

Когда адмирал эскадры услышал сигнал – «противник лег на другой галс», а затем – «противник идет в крутой бейдевинд», он понял, что пираты готовятся к нападению. Не зная толком ни кораблей, которыми располагал неприятель, ни даже их количества, он решил собрать все силы и немедленно дал приказ кораблям, идущим кильватерной колонной под ветром, принять боевой порядок.

Эта операция в морской тактике подобна тому, что в пехоте зовется быстрым развертыванием. Авангард эскадры ложится в дрейф, затем центр ее и колонна, идущая с наветренной стороны, подтягиваются и тоже ложатся в дрейф, пока не подоспеет подветренная колонна и не установится общая линия. При быстром развертывании каждое судно стремится занять свое место, не дожидаясь тех, кто отстал, но уступая путь тем, кто подходит вовремя. Этот маневр применяется лишь в самых крайних случаях, когда непосредственно возникшая опасность не дает времени установить другой боевой порядок.

Известность, которую приобрели пираты своими сказочно дерзкими и смелыми налетами, заставляла испанских адмиралов принимать все меры предосторожности против неизвестных людей, превративших свой флот в несокрушимую морскую державу.

Трубный глас боевой тревоги продолжал звучать, подготовка к сражению шла с величайшей поспешностью. Солдаты и матросы были разбиты на отряды, и каждый занял свое место. Десять артиллеристов встали у каждой 36-фунтовой пушки, по девять – у 18-фунтовых и по семь – у 12-фунтовых. Второй кормчий с двумя людьми стоял наготове у порохового погреба. На шканцах первый кормчий, окруженный помощниками и офицерами, наблюдал за штурвалом и сигналами флажков и фонарей. Часть орудийной прислуги и юнги, расставленные в разных местах, готовились переносить убитых и раненых, остальные рассыпали в пороховом погребе порох по мешкам и подносили их к люкам. Боцманы со своими людьми расположились на баке и на шканцах. Меж тем матросы, которым надлежало идти на abordаж или отражать врага, в мрачном и грозном молчании получали кто ружья, пистолеты, сабли, ручные гранаты и пороховницы, кто abordажные багры, копья, концы троса с крючьями и топоры.

На корабле кипело движение, но все совершалось в глубокой тишине. Матросы сооружали парапеты, освобождали от цепей и готовили к бою пушки, складывали запасы пуль, ядер и картечи.

Наконец все было готово: установлен общий план сражения и везде – на шканцах, на баке, на юте и на батареях вывешены листы пергамента с четко выписанными приказами к сведению всех действующих здесь людей.

Капитан «Санта-Марии де ла Виктория» сделал последний обход, и капеллан, благословив в молитвенной тишине моряков, идущих на бой, дал им отпущение грехов. Вслед за тем командиры подразделений громким голосом возвестили, что каждый, кто проявит трусость, покинет свой пост или не подчинится приказу, будет расстрелян на месте. Захлопнулся люк порохового погреба, и все, словно недвижимые, безмолвные статуи, замерли в ожидании боя.

Антонио находился на баке вместе с помощником капитана. Хотя Антонио был человеком не робкого десятка, все эти приготовления не могли не взволновать его. Он знал железный характер и негибкую волю пиратов, видел дисциплину и решимость, испанских матросов и понимал, что, кто бы из них ни пошел на abordаж, бой будет жестоким.

Пристально всматриваясь в морскую даль, пытаясь проникнуть взглядом сквозь скрывавший ее мрак, Антонио ждал первого выстрела. Он боялся, что, ослепленный яростью битвы, может броситься на людей Моргана, на своих товарищей, если разум и осторожность не придут ему на помощь.

Все корабли эскадры подняли условный сигнал – связанные крестом две реи с фонарем на каждом конце. Линия боевого порядка была подобна созвездию в ночном небе. Пиратская флотилия не дала ни одного сигнала.

Антонио продолжал свои наблюдения. Внезапно блеснул огонь, совсем близко грянул выстрел, и ядро пронеслось среди мачт «Санта-Марии», срезав трос, на котором держался флаг, однако не причинив большого урона. В тот же миг корабль содрогнулся, один из его бортов оделся пламенем и дымом, и ядра полетели в ответ на приветствие пиратов. Так началось большое морское сражение: пираты ответили на залп, и вскоре почти вся линия испанских кораблей открыла огонь.

День занялся в тучах порохового дыма. С каждой минутой красные вспышки, вылетающие из пушечных жерл, блекли в лучах утренней зари. Упавший флаг «Санта-Марии» снова взвился под гром канонады. Дневной свет придавал бодрости оробевшим; нет ничего страшней неизвестности, ничто так не пугает, как бой в темноте, нет более угнетающей мысли для человека, чем мысль о смерти среди полного мрака, – ведь это все равно что умереть на чужбине, вдали от родных и друзей, покинуть мир, не сказав ему последнее прости.

Многие из тех, кто презирает смерть при ярком свете дня, трепещут, встретившись с ней под покровом ночи. Душа испытывает ужас перед мраком и неизвестностью, она стремится к истине и свету, хотя бы они несли в себе смерть и небытие. Человек хочет видеть, даже если он знает, что больше уже не увидит ничего. Ибо человеческий дух и самую смерть хочет принять в личине жизни, а жизнь есть свет.

Рассвело, но день казался зловещим. Море было так неподвижно, словно оно внезапно оледенело: ни ветерка, ни тучки. Покой, неожиданный мертвый покой; ничто не шелохнется ни на море, ни в небе.

Солнце поднималось, разливая огненные потоки. Вяло повисли на мачтах штандарты, флаги и вымпелы. Обессилевшие паруса запутались в снастях, и, словно вены на коже исполина, выделялись на них канаты и тросы. Клубы пушечного дыма, окутавшие корабли, держались в воздухе подобно огромным хлопьям ваты, едва заметно рассеиваясь тяжелыми медленными спиралями. Обе вражеские эскадры застыли друг против друга на расстоянии пушечного выстрела, словно сев на мель. Но не пески, а море захватило в плен корабли, подобно мертвецу, сжавшему в своих ладонях дружескую руку. Смертный холод сковал руки покойника, они никогда не разожмутся, и живой останется в плену у смерти.

Однако на обеих эскадрах понимали, что страшней, чем сражение с врагом, будет борьба со стихией. Мрачное затишье предвещало бурю. После бури приходит покой – говорят поэты. Но пусть поэты говорят что угодно, а моряки знают: покой есть предвестие шторма. Природа должна сосредоточиться, прежде чем вступить в борьбу с жалкими, слабыми людишками. Она сзывает свои вихри, воды и электрические разряды, подобно полководцу, собирающему рать перед штурмом: вот что означает этот покой.

Темно-синее небо, прозрачное зеленое море, подернутый рыжей дымкой горизонт... Все взгляды устремлены на море, а пушки продолжают стрелять, как бы помимо человеческой воли.

И вдруг, одновременно, словно охваченные общей тревогой, словно повинувшись приказам одного адмирала, и пираты и испанцы стремительно приступили к выполнению маневров.

Все паруса были спущены, все рифы забраны. Можно было подумать, что малейший лоскуток на рее грозил смертельной опасностью, так торопились матросы обнажить все мачты.

На кораблях убились последние остатки парусов, когда над морской гладью пронесся порыв легкого свежего ветра – так ласточка пролетает над озером, чертя крылом зеркало вод.

То был разведчик, глашатай бури.

Море приветствовало его появление. Морская глубь закипела, и тысячи мелких волн, увенчанных легкой белой пеной, разбежались в разные стороны с тихим ропотом, постепенно

перераставшим в глухой грозный рев. Воздух на горизонте начал сгущаться: буря не приближалась, казалось, она назревает там, вдали.

Мы часто видели, как приходит буря, но где и как она зарождается? Тайну этого рождения знают лишь горцы да моряки. Ветер можно угадать, увидеть или почувствовать, когда природу охватывает дрожь ужаса. Но что дрожит? Не море, не корабли, не люди. Так что же? Нечто неведомое, нечто понятное, но необъяснимое, – душа мира, то, что называют природой, то, чего никто не знает, и, однако, все постигают, не умея объяснить, не умея даже обозначить его именем.

Но вот налетел ветер, снасти ответили ему протяжным стоном. Тросы запели, засвистали, заныли, каждый на свой лад, но так зловеще, словно предчувствовали и предсказывали опасность и смерть. Печальный хор! Отовсюду, где болтался хоть один незакрепленный конец, где светился хоть один паз между досками, неся заунывный, протяжный вой.

Кто не слышал завывания ветра? Но слышал ли кто-нибудь более тоскливый и раздражающий сердце звук, чем эти стоны, подобные предсмертному воплю слабого, павшего духом существа?

Началась борьба со стихиями, и бой между людьми прекратился. Солнце померкло и скрылось в желтоватом тумане. Но вот туман, постепенно сгущаясь, превратился в тяжелые, мглистые тучи причудливой формы и окраски; подсвеченные по краям, они теснились, словно сбившиеся в отаре овцы. Там в небе клубились все самые мрачные оттенки серого цвета – от темной сепии до неподдающейся определению окраски пыльного вихря. В скопище туч угадывались потоки воды, бешеные зигзаги молний, зловещие силы, готовые низвергнуться на океан, вздымавший, бросая вызов буре, свои могучие волны.

Тяжелая громада туч, не в силах больше парить в воздухе, стлалась по воде. Буря сходила с высоты медленно, плотная, угрожающая. Но вот, как бы желая разбудить ее, повеяло мощное дыхание урагана, и, словно осенние листья, подхватило и закружило тяжелые военные корабли.

Обе эскадры оказались в самом средоточии бури. Наступила полная тьма, тучи напозлали на мачты и снасти.

Все было пропитано влагой, хотя ливень еще не начался. Непрерывно со всех сторон вспыхивали ослепительные молнии, не то падая с неба, не то взлетая вверх из морской пучины. Гроза наконец грянула, и электрические разряды загрохотали, словно артиллерийские залпы двух воюющих миров.

Море бушевало вместе со всей природой. Мощные валы вздымались, сталкиваясь между собой, били в борта кораблей, прокатывались по палубе, неся ужас и разрушение.

Казалось, надежды на спасение нет.

Все люки были плотно задраены, штурвалы и паруса стали бесполезны, всякое управление – невозможно, и брошенные на произвол судьбы, суда носились по воле волн, то целиком зарываясь в воду и пену, то появляясь, как фантастические украшения на гребне могучего вала. Офицеры, матросы и солдаты бездействовали, беспомощные, как муравьи, уносимые на сухой ветке течением реки.

Испанские и пиратские суда беспорядочно металась по волнам, едва ли не соприкасаясь бортами, но противники не узнавали, а порой и не видели друг друга. Сам бог велел им заключить мир перед лицом общей опасности.

«Знаменитый кантабриец» терпел бедствие. Уже рухнули мачты, и старый кузов грозил с минуты на минуту дать течь и навеки похоронить свой груз на дне океана. Капитан перестал изрыгать проклятия. Педро Хуан сидел в полном отупении. Сеньора Магдалена и Хулия пытались молиться.

ХІІІ. ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

Буря бушевала почти сутки, то затихая, то приходя в неистовство. На следующее утро солнце осветило безмятежно спокойное пустынное море и ясное, прозрачное небо. Эскадру рассеяло по всему океану, и ни с одного корабля не видно было в бескрайних просторах ничего, кроме воды и неба: ни паруса, ни гавани – ничего. Вода и небо, волны и синяя твердь.

Но вот с одного из кораблей удалось разглядеть вдали какую-то темную точку. Корабль этот был «Санта-Мария де ла Виктория», и капитан его, исследуя морское пространство, обнаружил на горизонте странный предмет, который хотя и не походил на судно, все же не мог быть и ничем иным. Попутный свежий ветер надувал паруса «Санта-Марии», и загадочный предмет, возбуждавший любопытство всего экипажа, быстро приближался, увеличиваясь в размерах. Вскоре его уже можно было рассмотреть как следует.

– Это корабль! – крикнул кто-то из матросов.

– Потерявший всю оснастку, – добавил стоявший тут же Антонио.

– Интересно, погибли ли люди?

– Нет, видите, на палубе кто-то движется...

– Они подают сигналы.

– Просят о помощи...

– Смотрите, поднимают флаг на шесте!

«Санта-Мария» была уже близко от потерпевшего крушение судна.

– Ах! – воскликнул Антонио, – видите, на палубе человек с рупором. Он хочет говорить.

– Молчание! – приказал офицер.

Человек поднес рупор ко рту и крикнул:

– Помогите! Помогите!

– А ну-ка, ребята, – сказал капитан, – спустить шлюпки на воду и снять этих людей.

В одно мгновение шлюпки заплесали на волнах, и тут же от корабля, просившего о помощи, тоже отвалила шлюпка. Антонио остался на «Санта-Марии».

Вскоре три шлюпки с людьми пристали к борту военного корабля, не оставив на тонущем судне ни одного живого существа. «Санта-Мария» всех приняла на борт, и тут старая, разбитая посуда, словно только этого и дожидалась, начала трещать, погружаться в воду, затем стремительно перевернулась и исчезла в пучине, оставив за собой бурлящий водоворот. И волны снова сомкнулись.

Таков был трагический конец «Знаменитого кантабрийца».

Антонио Железная Рука принимал на борту спасенный экипаж. Капитан, боцман, рулевой, матросы – все остались невредимы. Но как ни странно, среди моряков оказались две женщины. Когда они стали подыматься по трапу, Антонио почувствовал, будто сердце у него остановилось: он узнал сеньору Магдалену и Хулию. При одной мысли об угрожавшей им опасности Антонио пришел в ужас.

Хулия вскарабкалась по трапу первая, Антонио поспешил помочь ей. Девушка еще не пришла в себя и боялась даже глаза поднять. Вдруг она почувствовала, что ее обнимает чья-то рука. Узнав Антонио, Хулия вскрикнула не то от радости, не то от испуга. Антонио сразу оттащил ее в сторону, пока другой матрос помогал сеньоре Магдалене.

– Молчи, Хулия, ради бога молчи! – шепнул он девушке.

– Что случилось, дочь моя? – спросила подбежавшая к ним сеньора Магдалена. – Что с тобой?

Железная Рука отошел как бы затем, чтобы помочь другим потерпевшим.

– Ничего, матушка, – отвечала Хулия с напускным спокойствием. – Просто я невольно вскрикнула от радости.

– Благословен господь, спасший нас от смерти, – проговорил присоединившийся к женщинам Педро Хуан.

Хулия терялась в догадках и с волнением следила за Железной Рукой. Она знала, что ее возлюбленный ушел к пиратам, к самому Джону Моргану. Что же он делает здесь? Не попал ли он в плен во время сражения? А может быть, Антонио так же, как она, нашел на испанском судне прибежище после кораблекрушения? Или они, сами того не ведая, попали на пиратский корабль? Хулия не знала, что и думать. Однако последнее предположение показалось ей самым вероятным. Не выдержав, она спросила у Хуана:

– Что это за судно?

– Испанский военный корабль, – преисполнившись национальной гордости, ответил Медведь-толстосум. – Сейчас узнаю, как он называется.

Хуан подошел к одному из офицеров, и вернувшись к женщинам, объявил, пыжась, как павлин:

– Военный корабль его католического величества короля Испании (да хранит его бог), названный в честь победы, одержанной над голландцами, «Санта-Мария де ла Виктория», имеющий по сорок пушек на каждом борту и двести человек морской пехоты – гроза голландцев и пиратов, страж торговли Западных Индий.

Произнеся эту торжественную реляцию, Педро Хуан с самодовольным видом поднял шляпу над головой, а сеньора Магдалена ответила ему легким реверансом.

– Теперь, мои дорогие, вы видите, – продолжал Медведь-толстосум, – что его католическое величество располагает не менее мощным флотом, нежели христианнейший король Франции. Такие корабли с честью несут герб испанской монархии в этих водах.

И Медведь-толстосум показал женщинам на красно-желтый флаг, словно язык пламени, выющийся на свежем утреннем ветру.

Хулия чувствовала, что сомнения ее растут, и хотела любой ценой разрешить их.

– А что произошло с пиратами? – спросила она.

– Я сам думал об этом, – ответил Хуан, – и задал тот же вопрос офицеру. Он сказал, что, едва началась канонада, буря разметала обе эскадры по всему океану, и теперь неизвестно, спаслись ли какие-нибудь корабли или нет. Единственное судно, которое им повстречалось, было наше.

Теперь Хулии стало ясно, что испанцы не могли подобрать Антонию в море. Что же он делал на этом корабле? Неужели он обманул ее? Нет, все, что угодно, только не это! Измученная сомнениями, она решила во что бы то ни стало объясниться с возлюбленным.

Антонию и сам искал случая поговорить с Хулией, но это было почти невозможно. Суровая дисциплина военного корабля связывала его по рукам и ногам, а сеньора Магдалена и Педро Хуан не отходили от Хулии ни на шаг, боясь оставить ее одну среди солдат и матросов.

Ревность влюбленного отчима и материнская любовь в союзе с воинской дисциплиной воздвигли непреодолимую стену между Железной Рукой и Хулией. Они обменивались взглядами, но глаза влюбленных способны произносить только одну фразу:

– Я обожаю тебя!

Больше они ничего не умеют, а если даже и пытаются сказать что-нибудь другое, то все равно говорят лишь:

– Я люблю тебя!

Словарь безмолвного языка очень ограничен, но зато есть взгляды красноречивее слов, и они знакомы влюбленным. Итак, все попытки оказались бесплодны, и влюбленные довольствовались только взглядами. Антонию к тому же все время старался избегать сеньоры Магдалены и Педро Хуана, опасаясь, как бы они не узнали его.

Корабль «Санта-Мария де ла Виктория» отбился от эскадры и потерял первоначальный курс. Однако согласно наказу адмирала, данному на случай бури или разгрома, все корабли,

которым не удалось бы соединиться с эскадрой в море, должны были направляться к острову Куба.

Капитан взял курс на запад. Он плохо знал эти воды, и ему необходимо было определиться: книги и советы никогда не дают полной уверенности, если им не сопутствует практическое знание. Дул благоприятный ветер, корабль летел как на крыльях. Так прошло утро. После полудня ветер стих, и пришлось свернуть паруса. Это грозило серьезной опасностью. Если пираты были близко, то отставшее от своей эскадры судно легко могло попасть в плен. Капитан в лихорадочном волнении поглядывал то на бессильно повисший флаг, то на пустынный горизонт.

Антонио отлично понимал, какие мысли одолевают капитана. Помня, что главной его задачей было завоевать доверие главы корабля, он подошел и почтительно обратился к нему:

– Сеньор!

– Что тебе надо? – высокомерно спросил капитан.

– Разрешит ли ваша милость доложить?

– Говори и убирайся.

– Сеньор, я хорошо знаю эти воды...

– Отлично, и что из этого?

– Сеньор, ветер слабеет, почем знать, так может пройти несколько дней. Наступает штиль.

– Это я и сам вижу. Что дальше?

– Дело в том, что тут есть течение, оно идет по направлению к Кубе.

– Где же оно проходит?

– Прямо по нашему курсу. Если бы удалось дотянуть до него, мы бы могли быстро достигнуть берега.

– И ты можешь его отыскать?

– Да, сеньор.

– Что ж, начнем маневрировать.

Судьба, казалось, благоприятствовала Антонио. Судно медленно продвигалось вперед, а хитроумный охотник пристально вглядывался в пляшущие волны. Так прошел час. Вдруг Антонио крикнул:

– Вот оно!

– Где? – спросил стоявший рядом капитан.

– Смотрите, сеньор, – отвечал охотник, указывая вдаль.

– Верно! – воскликнул капитан. – Попутное течение.

И в самом деле, впереди зоркий морской глаз мог различить гладкую полосу воды чистого голубого цвета. Это и было течение. Его границы обозначались как бы легким кипением волн, – вне полосы течения воды залива достигали значительно большей глубины. Все признаки, по которым моряки распознают течение, оказались налицо. Корабль вскоре достиг цели и, подхваченный мощным током воды, помчался вперед.

Неожиданно был дан сигнал «земля», и в ту же минуту от появившегося в поле зрения маленького островка отвалило легкое судно. Вдали показалось еще несколько парусов.

– Что это за остров? – спросил капитан у Антонио, к которому уже проникся доверием. – Ормигас или один из островов Моранте?

– Наваса, сеньор.

– А паруса эти, сдается мне, неприятельские?..

– Это пираты, – сказал Антонио.

Его слова поразили команду корабля, словно удар грома.

Положение было безвыходное. Лечь на другой галс – невозможно: «Санта-Мария» была слишком тяжела, чтобы бежать от преследования пиратов. Пристать к острову – тоже невоз-

можно: капитан знал, что только у западного побережья Навасы глубина океана достигала полу-мили, но именно там высадка представлялась особенно трудной, – бриз поднял слишком большое волнение. А кроме всего, было бы позорно бежать от сражения, посланного самой судьбой.

Паруса приближались и вскоре подошли на расстояние пушечного выстрела. На «Санта-Марии» все было готово к бою.

Антонио узнал корабль, которым командовал Бродели. От корабля отвалила шлюпка и подошла к борту испанского военного судна. В шлюпке сидели только два гребца и один из главарей, поэтому ей и позволили подойти.

Старший из пиратов подал знак, ему бросили трап, и он решительно поднялся на борт. Капитан «Санта-Марии» вышел к нему навстречу.

– Бродели, вице-адмирал великого Моргана, – надменно произнес пират, – предлагает тебе, капитану испанского военного судна, сдаться и предоставить ему корабль и все, что на нем находится, а взамен обещает свободу и жизнь тебе и всем твоим людям.

– Можешь передать своему начальнику, – с величественным спокойствием ответил капитан, – что моряки, которые служат королю, моему повелителю, не знают слова «сдаваться», что испанцы не складывают оружия перед пиратами, а нашей жизнью и свободой вы можете распоряжаться, как вам вздумается, когда захватите нас в плен. Мы готовы умереть на службе его величества, но никогда не утратим чести ради собственной выгоды. Иди и передай все, что слышал.

Пират, не произнеся ни слова, повернулся на каблуках, сошел по трапу в шлюпку и вскоре снова был на корабле Моргана. Через мгновение облачко дыма поднялось над пиратским судном и первая пуля впиалась в борт «Санта-Марии».

То был сигнал к сражению.

Пираты твердо решили завладеть добычей, испанцы готовились защищать свой корабль ценой жизни. Однако капитан «Санта-Марии» полагал, что до этого дело не дойдет. Он надеялся на свои пушки, на искусство своих бомбардиров и был уверен, что мгновенно потопит или же лишит оснастки все вражеские корабли.

Но еще не рассеялся дым первого залпа, как пираты пошли на абордаж. Они походили не на людей, а на свору бешеных псов. Вооруженные топорами и кинжалами, они карабкались на нос судна и бросались на испанцев, которые отчаянно защищались. Палуба была завалена трупами; люки, ведущие в трюм, – выбиты; повсюду хлестала кровь. Капитан, сраженный ударом топора, лежал на шканцах без чувств.

Пираты стали хозяевами «Санта-Марии де ла Виктория». Полчаса боя принесли им победу и первую добычу.

Бродели, вице-адмирал Моргана, первым ворвался на корабль. Забрызганный кровью, со взлохмаченными волосами, держа широкую саблю в правой руке, а пистолет – в левой, он повел своих людей к каюте капитана. Там укрылись Хулия, сеньора Магдалена и Педро Хуан де Борика. Живодер трясся от страха, женщины рыдали и молились. Пираты выломали дверь, и Бродели бросился к женщинам. Это была его военная добыча. Женщины принадлежали тому, кто первый захватит их, если только он сам не отдаст их своим подчиненным. Красота Хулии поразила вице-адмирала, несмотря на обуревавшее его яростное возбуждение. Эту добычу он не собирался делить ни с кем. Пират засунул пистолет за пояс и хотел уже схватить за руку помертвевшую от страха Хулию, когда неожиданно какой-то человек с силой оттолкнул его и громко воскликнул:

– Простите, сеньор! Эта женщина принадлежит мне!

Бродели в изумлении остановился, стараясь рассмотреть, кто этот дерзкий, осмелившийся перечить воле вице-адмирала. Но, не узнав его, отступил на шаг и схватился за саблю.

– Спокойно, сеньор, – продолжал незнакомец, – не обнажайте против меня оружия, это вам дорого обойдется.

– Да кто же ты! – воскликнул вице-адмирал, пораженный таким бесстрашием и хладнокровием.

– Антонио Железная Рука.

Бродели опустил оружие и скрипнул зубами.

– А почему эта женщина принадлежит тебе?

– Потому что это моя жена. Я посадил ее на корабль, когда был на Эспаньоле. Адмирал приказал мне поступить на испанское судно, вот почему и она оказалась здесь. Если бы не этот приказ, она была бы на одном из наших судов.

– Куда же ты везешь эту женщину?

– На Санта-Каталину или Тортугу, где мы вскоре должны обосноваться. Я имею на это право, я служу хорошо, я честно выполняю свой договор и вправе требовать уважения. Не правда ли, друзья? – спросил он, обращаясь к пиратам, которые с удивлением следили за неожиданной стычкой.

– Верно, он прав, – откликнулись все.

Бродели до крови закусил губу, стараясь скрыть свою ярость.

– А другая женщина? Эта-то, надеюсь, не твоя и ею мы можем распоряжаться!

Сеньора Магдалена побледнела, боясь, что она не попадет под защиту Железной Руки.

– Эта женщина, – торжественно произнес Антонио, – приходится моей жене матерью, а это ее муж. Все трое – моя семья, и она должна быть священной для моих начальников и товарищей. А если кто-нибудь посмеет проявить к этим людям малейшее неуважение, все мои товарищи встанут на их защиту, и оскорбитель погибнет, хотя бы он был самым адмиралом. Таков наш закон. Семью и честь каждого из нас защищают все, ибо если сегодня оскорбят меня, а все останутся равнодушны, завтра сами они окажутся жертвой, и все узы между нами будут порваны... Не правда ли, друзья?

– Правильно, правильно, – закричали пираты.

Взбешенный Бродели прорычал какое-то проклятие и вышел, уведя пиратов с собой.

В каюте остались Железная Рука, Хулия, сеньора Магдалена и Педро Хуан.

– Вы – настоящий мужчина, – сказал Хуан, пожимая руку Антонио.

– Благодарю вас, благодарю вас, – плача повторяла сеньора Магдалена.

Хулия, улучив минуту, когда никто не смотрел на них, прижала к губам руку Антонио и шепнула:

– Ты ангел, Антонио... Я обожаю тебя.

Антонио затрепетал от восторга.

Меж тем с палубы доносились стоны раненых, крики пиратов и голос вице-адмирала, отдававшего приказания.

– Выслушайте меня, – сказал Антонио. – Мы должны поговорить раньше, чем кто-нибудь вернется сюда. Опасность еще не миновала. Кто знает, быть может, опьяненный успехом или агуардъенте, которую пираты найдут на судне, вице-адмирал снова вспомнит о своих притязаниях. Знайте, я буду защищать вас до последнего вздоха. Хулия должна считаться моей женой. Корабль пойдет сейчас на Санта-Каталину. Этот остров Морган избрал для своей главной квартиры. Когда мы прибудем туда, я помогу вам, если милостив бог, отправиться в Мексику. Там вы заживете спокойно.

– А ты? – вырвалось у Хулии.

– Я, – ответил Антонио, – последую за тобой, как только смогу.

Сеньора Магдалена была так перепугана, что не обратила внимания на эти слова.

– Поклянись, – сказала Хулия, пользуясь тем, что мать не слушает ее.

– Клянусь! Верь мне, – ответил Антонио, и девушка крепко сжала его руку.

Снасти заскрипели, корабль двинулся в путь.

XIV. ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ

Словно дикий бык, затравленный охотничьими псами, шел испанский корабль среди пиратских парусников. Победа так воодушевила людей Джона Моргана, что теперь они не боялись встречи даже со всей испанской эскадрой. Суда взяли курс на расположенный близ Кубы островок Санта-Каталина, чтобы соединиться с главными силами адмирала.

На второй день после сражения на горизонте показались паруса. Бродели решил принять бой, если это испанские военные суда, а если торговые – то пуститься в погоню. Пираты приготовились действовать, но вскоре поняли, что перед ними флотилия под началом Моргана.

Корабли соединились, и Морган, выслушав донесение обо всех событиях, дал Бродели приказ следовать в кильватере его судов курсом на Пуэрто-Принсипе. Предводитель пиратов обязан был объяснять цель каждого своего распоряжения, и вскоре даже простые матросы знали, что город Пуэрто-Принсипе решено взять штурмом. Выбор пал именно на этот город, потому что он ни разу не подвергался нападению и его обитатели сохранили все свои богатства.

Антонио пользовался уважением Моргана и имел большое влияние на своих товарищей, бывших охотников с Эспаньолы; благодаря его заботам Хулия, Педро Хуан и сеньора Магдалена ни в чем не нуждались. Они остались вместе с Антонио, который был зачислен в команду захваченного в плен испанского судна. Морган превратил «Санта-Марию» в свой флагманский корабль и сам принял над ним командование, это значительно улучшило положение Хулии и ее родных. Адмирал не видел Хулии, он только знал, что на корабле находится семья Антонио. Зато мстительный вице-адмирал Бродели глубоко затаил злобу против Антонио, из-за которого лишился своей законной добычи, и ждал только случая, чтобы погубить его. Вскоре неразумный патриотизм Медведя-толстосума предоставил ему этот случай.

Вдали уже показались очертания Пуэрто-Принсипе. Пираты, охваченные жадой наживы, ослабили надзор, и пленные испанцы теперь могли более свободно общаться между собой.

Воспользовавшись суетой, царившей на корабле Моргана перед высадкой, дон Симеон Торрентес, капитан «Знаменитого кантабрийца», пробрался в каюту к Педро Хуану. Они узнали друг друга, но общая беда заставила их позабыть о былой неприязни.

– Сам дьявол преследует нас, – пожаловался дон Симеон.

– Да, да, – отвечал Хуан, – а в довершение несчастья, эти разбойники собираются напасть на Пуэрто-Принсипе. Они разграбят все до нитки, ведь бедняги жители ни о чем не подозревают.

– Клянусь дьяволом, будь я помоложе и посильнее, я, как истый испанец, добрался бы вплавь до берега и предупредил губернатора. Но я стар, а больше сделать это некому.

– Спокойней, земляк, уж не слишком ли сильно сказано! Хоть вы хороший испанец и настоящий слуга господ бога и его величества, а я, быть может, не хуже вас.

– Черт побери! Да если бы мне ваши силы и ваши годы да та свобода, которой вы пользуетесь, я бы давно уже плыл к берегу. Но вы наверняка не умеете плавать!

– Я плаваю, как рыба. И доберусь ли я до земли или пойду на дно, а уж докажу, какой я испанец!

– Черт побери! Вы способны на это?

– Почему же нет?

– Тогда заверяю вас, король не замедлит вознаградить ваш подвиг. Вы дворянин?

– Нет.

– Он сделает вас дворянином, услуга стоит того. И, как знать, может быть, пожалует вам герб с золотой рыбой на красном поле...

– Его величество, конечно, будет знать, как наградить меня, – ответил, раздуваясь от самодовольства Хуан, который уже видел себя дворянином и обладателем родового герба, – хотя, я полагаю, тут больше подойдет серебряное поле с золотыми кругами.

– Клянусь душой дьявола! Да разве вы не знаете, что сочетание двух металлов в гербе допускается только на щитах королевского рода. Ладно, его величество сам во всем разберется, боюсь только, что у вас не хватит духу на это дело.

– И вы полагаете, что это будет большой заслугой в глазах повелителя нашего – короля?

– Величайшей.

– И полагаете, что его величество действительно наградит меня?

– Уверен.

– Тогда считайте, что дело сделано. Я доплыву до берега.

– И станете дворянином.

Тут поблизости появилось несколько пиратов, и дон Симеон поспешно отошел от Хуана. Идея капитана Торрентеса глубоко запала в душу Педро Хуана де Борики. Он обдумывал ее и так и эдак, и всякий раз задача казалась ему все проще, а награда все заманчивее. Он ничего не говорил сеньоре Магдалене, боясь, что та воспротивится его намерениям. И вот, оставив на себе только самую необходимую одежду, Хуан улучил момент, когда на него никто не смотрел, и прыгнул в воду. Шум падения привлек внимание какого-то матроса, раздался крик:

– Человек за бортом!

Несколько матросов приготовились спасти утопающего, который, как все полагали, случайно упал в море. Они внимательно вглядывались в воду, собираясь прыгнуть вниз, как только тело всплывет на поверхность. Но напрасно. Педро Хуан был искусным пловцом, и, когда он вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, корабли уже остались далеко позади. Однако один из пиратов заметил его и закричал:

– Вот он! Это сбежал кто-то из пленных.

Все посмотрели в указанном направлении и различили вдали беглеца, который плыл во всю мочь и был уже совсем близко от берега.

– Спустим шлюпку, – предложил один.

– Бесполезно, – возразил другой, – через минуту он будет на берегу. Надо немедленно доложить адмиралу.

Моргану тут же сообщили о происшествии, и он приказал проверить пленных. Вскоре один из командиров принес известие, что все пленные налицо, кроме мужа сеньоры Магдалены, матери Хулии, которая считалась женой Антонио. Во время этого доклада вице-адмирал Бродели находился у Моргана и все слышал.

– Что ты думаешь об этом? – спросил его Морган.

– Думаю, что здесь нечто более серьезное, чем просто побег пленного.

– Что же?

– Этот неизвестно откуда появившийся человек слывет родственником Антонио Железной Руки и, возможно, знает больше, чем нужно, о наших планах.

– Но какое это имеет значение?

– А вдруг он предупредит жителей города?

– Даже если так, неужели ты думаешь, что они способны дать нам отпор?

– Как знать, если их предупредят заранее, они могут сделать попытку. Во всяком случае, добро свое они припрячут, и мы потеряем по меньшей мере две трети добычи.

– Да, ты прав. Это большая оплошность.

– Если не преступление. Уж не думаете ли вы, что этот человек бежал только затем, чтобы вернуть себе свободу? Ведь он даже не был пленником. И неужто без серьезной причины он покинул бы свою жену и дочь, если только эта девушка действительно его дочь? Здесь кроется какая-то тайна, если не измена.

Морган глубоко задумался, опустив голову. Бродели с любопытством наблюдали за ним.

– Антонио! – воскликнул адмирал. – Нет, он не способен на предательство. Я понял его характер, а я никогда не обманываюсь в людях...

– Антонио, возможно, ничего не знает, – примирительно ответил Бродели, убедившись, что адмирал непоколебим. – Однако он виноват в том, что не захотел поместить этого человека вместе с остальными пленными.

– Но если этот человек действительно его родственник?

– Тогда он должен знать, почему тот сбежал.

– А мог и не знать, – возразил Морган, решив отстаивать Антонио до конца. – С чего бы беглец стал откровенничать с Железной Рукой, зная, что он с нами заодно.

– Во всяком случае, – продолжал Бродели, стараясь перенести спор на другую почву, – для общего блага необходимо произвести быстрое и решительное расследование, и начать с женщин. Может быть, они-то и прольют свет на причину побега и на свои истинные отношения с Антонио.

– Вы упорно стремитесь посеять недоверие к этому юноше. Ну что ж. Я произведу расследование в вашем присутствии и постараюсь убедить вас.

– Дай-то бог.

Морган кликнул одного из командиров и приказал привести к себе Хулию и сеньору Магдалену. О бегстве Педро Хуана уже стало известно всем, и женщины сразу поняли, зачем их зовут. Трепеща от страха, вошли они в каюту адмирала.

– Сеньоры, вы должны говорить мне только правду, – сурово обратился к ним Морган. – Только правду, иначе я прикажу вздернуть вас на рее. Понятно?

– Да, сеньор, – отвечала сеньора Магдалена.

– Прежде всего, сеньора, ваша дочь действительно жена Антонио?

Сеньора Магдалена подумала, что если она солжет, то пират сразу догадается об этом по ее лицу.

– По правде говоря, нет, сеньор.

Морган невольно взглянул на Бродели, следившего за ним с дьявольской усмешкой.

– Я говорил вам! – воскликнул тот.

– Хорошо. Прикажите взять Антонио Железную Руку под стражу.

– Что вы хотите с ним сделать? – в ужасе спросила Хулия.

– Скоро увидите, – ответил Морган, в ярости оттого, что дал себя обмануть, и чувствуя свое унижение перед торжествующим Бродели.

– Сеньор, сеньор! Что хотите вы сделать с Антонио? – повторила Хулия, придя в отчаяние от суровости адмирала.

– Сеньора, только смерть будет достойным наказанием за обман.

– Смерть! Смерть! Боже мой! Но что же сделал Антонио? Какое преступление совершил он? Не убивайте его, сеньор! Молю вас на коленях! Чем он разгневал вас?

– Он помешал нам завладеть добычей, и очень хорошей добычей, – ответил Бродели. – Он виноват и в том, что с корабля бежал человек, который, без сомнения, поднимет тревогу в Пуэрто-Принсипе.

– Но он-то чем виноват? – повторила Хулия, все еще стоя на коленях.

– Тем, что обманул нас, выдав вас за свою жену, хотя даже ваша мать говорит, что это неправда.

– Матушка! Матушка! Что вы наделали!

– Но я только сказала правду, – возразила сеньора Магдалена.

– Слышите? – спросил Морган. – Сомнения нет, этот человек обманул нас, посмеялся над нами, и он умрет.

– Нет, не умрет! – воскликнула Хулия, стремительно поднявшись.

– Не умрет? – переспросил Морган.

– Не умрет или вы совершите величайшую несправедливость. То, что сказал вам Антонио, – правда! Я его жена!

– Хулия! – воскликнула сеньора Магдалена. – Хулия! Что ты говоришь?

– Это правда! Правда! Я его жена.

– Пусть так. Но как вы это докажете, если даже ваша мать утверждает обратное.

– У меня есть доказательства.

– Дайте их.

– Есть свидетель, который может все подтвердить, и его слова спасут меня.

– Кто же этот свидетель? Назовите его, – сказал Морган.

– Вы! – ответила Хулия.

– Я?! – воскликнул Морган.

– Да вы, адмирал Джон Морган.

Бродели, сеньора Магдалена и все остальные в изумлении переводили взгляд с адмирала на Хулию.

– Я?! – повторил Морган.

– Да, выслушайте меня. Я стала женой Антонио без ведома и против воли матери.

– Недостойная! – воскликнула сеньора Магдалена.

– Пусть продолжает, – сказал Морган.

– Когда моя мать спала, я потихоньку ходила на свидания с Антонио. Мы жили на острове Эспаньола, Антонио был охотником. Однажды ночью, когда я возвращалась со свидания из Пальмас-Эрманас, на меня напал какой-то человек и потащил в чащу леса. Я чувствовала, что погибаю, человек этот был слишком силен. Я закричала и стала молить бога о помощи. И бог послал мне спасителя. Напавший на меня человек бежал. Мой спаситель проводил меня до самого дома, и там я спросила его: «Как ваше имя?» – «Джон Морган, – ответил он, – только молчите». Я хранила молчание до этого часа, повинаясь воле моего спасителя, и не сказала ни слова даже Антонио, ибо я знаю, к чему обязывает благодарность. Помните ли вы, сеньор, об этом происшествии?

Морган внимательно слушал рассказ девушки. Едва она кончила, пират встал и пожал руку Хулии.

– Все это правда! Вы сохранили мою тайну, хотя для вас она не имела значения, вы повиновались мне из благодарности. Я верю, что вы говорите правду: тот, кто так поступает, не может лгать. Сеньора, несмотря на то что вы сказали, эта девушка – жена Антонио. Можете возвращаться в каюту, к вам будут относиться с должным почтением.

Все командиры были довольны такой развязкой, и только Бродели помрачнел.

– Что ты наделала, несчастная? – запричитала сеньора Магдалена, оставшись с дочерью вдвоем. – Ты обесчестила себя...

– Я спасла его, матушка, в благодарность за то, что он спас нас! Спасла своего супруга, это мой долг!

ХV. ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ (Продолжение)

Педро Хуан благополучно достиг берега. Выйдя на сушу, он оглядел морское пространство, опасаясь, как бы пираты не выслали в погоню за ним шлюпку. Убедившись, что погони нет, он присел отдохнуть, прежде чем отправиться дальше.

Эти края были ему совершенно незнакомы, и он не знал, какая из дорог ведет в город, но, твердо решив оказать великую услугу испанской короне, Медведь-толстосум встал и без колебаний избрал первую попавшуюся тропинку. Ему повезло, и через несколько часов пути, измученный и истомленный, он был уже в городе. Рассказ о приближении пиратов взбудоражил всех жителей Пуэрто-Принсипе, и вскоре Хуан, представ перед лицом самого губернатора, поведал ему все, что знал о задуманном пиратами нападении и грозившей городу опасности.

Сообщение Педро Хуана вызвало тревогу и ужас. Одни торопились спрятать свои сокровища или увезти их в близлежащие горы. Другие решили дать отпор врагу. Немало было и таких, кто, зная, что терять им нечего, спокойно ждали нашествия Джона Моргана и его пиратов. Губернатор разослал во все стороны гонцов с просьбой о помощи и, не теряя времени, принялся сзывать ополчение и готовиться к защите.

На всех дорогах, ведущих от моря к городу, выросли заграждения из обломков скал и древесных стволов. Губернатор уже собрал свое войско, когда караульные донесли, что пираты высаживаются на берег.

Морган по-прежнему не сомневался в верности Антонио. Однако объяснение между Морганом и Хулией стало известно Железной Руке, и он понял, что вице-адмирал Бродели затаил против него злобу, а сеньора Магдалена тоже питает к нему неприязнь. Таким образом, он и Хулия оказались среди врагов. Мать Хулии, опасаясь Антонио, всячески старалась скрыть свое нерасположение и делала вид, будто всем довольна и хочет только одного: соединиться вновь с Педро Хуаном и отправиться в Новую Испанию.

Настало время высадки; вельботы и шлюпки с пиратами отвалили от судов и помчались к берегу.

– Вы оставляете Железную Руку на корабле? – спросил Бродели у Моргана.

– Да, – ответил адмирал.

– Пожалуй, он будет полезнее на берегу. Он – охотник и скорее может пригодиться вам при высадке и во время сражения, чем мне на корабле, где я остаюсь в полной безопасности.

Морган не знал или позабыл о неприязни Бродели к Антонио и поддался на обман.

– Вы правы, – сказал он, – я беру его с собой.

И приказал Антонио взять команду над одним из отрядов. Хотя Антонио ничего не знал об этом разговоре, тяжелое предчувствие сжало его сердце, когда он прощался с Хулией. И все же он до конца не понимал, какая беда им грозила. Бродели теперь командовал флотилией, Антонио отправлялся на берег, и Хулия оказалась во власти вице-адмирала без всякой защиты.

Ричард, бывший охотник, остался для охраны кораблей и, по счастью, принадлежал к команде флагманского судна. На него возлагал Антонио все свои надежды.

– Ричард, – сказал ему Антонио, – я буду командовать отрядом при высадке.

– Счастливцев, – отвечал англичанин, – наконец-то ты заживешь другой жизнью, будешь сражаться, узнаешь опасности и тревоги, а я по-прежнему буду помирать со скуки и только ждать известий с земли.

– Выслушай меня, Ричард. Я покидаю на корабле свою жизнь, половину своей души. Хулия остается здесь...

– Я понимаю тебя, но верю, что с тобой ничего не случится. А ты можешь быть спокоен – ведь Хулии здесь ничто не угрожает.

– Напротив, друг мой, я в большой тревоге. Хулии грозит здесь величайшая опасность.

– Опасность? Но какая?

– Слушай же. У вице-адмирала дурные намерения, я это понял. Увидев, что она одна, без всякой защиты, он, без сомнения, захочет воспользоваться случаем.

– О, это ему не удастся! Разве нет здесь твоих друзей! Неужто мы так слабы?

– Ричард! Мои друзья – единственная моя надежда, а особенно ты!

– Да, я буду заботиться о ней, как о родной сестре.

– Ты обещаешь мне, Ричард, охранять мою Хулию?

– Отправляйся со спокойной душой, Антонио. Ничто не остановит меня, я на все готов ради этой девушки. Даже убить Бродели, если это понадобится. Наши друзья-англичане помогут мне. Будь спокоен и не бойся за Хулию. Я остаюсь с ней.

– Спасибо, спасибо, ты вернул мне счастье! – воскликнул Антонио, с жаром пожав руку Ричарду. – Когда-нибудь я отблагодарю тебя за услугу. Прощай!

И друзья расстались. Удаляясь в шлюпке от корабля, Антонио не сводил глаз с Ричарда, Бродели, Хулии и сеньоры Магдалены, которые смотрели ему вслед. Какие разные мысли волновали эти четыре сердца!

«Ты унес с собой мою душу», – думала Хулия.

«Я победил», – торжествовал Бродели.

«Я выполню свою клятву», – говорил Ричард.

«Хорошо бы ты встретил там смерть», – желала сеньора Магдалена.

А Антонио предавался размышлениям и уповал на бога.

Джон Морган высадился первый, а за ним и все его не слишком многочисленное войско. Разведав дороги, пираты убедились, что все они перерезаны. Испанцы надеялись помешать продвижению неприятеля. Однако этих людей ничто не могло остановить. Помехи и преграды только распаляли их боевой дух и поддерживали решимость.

Морган построил свой отряд в колонну и без всякой дороги, определяя направление по компасу, вступил в глухой лес, отделявший их от города. Этот переход был чудовищно труден; заросли колючих кустарников вставали стеной, на каждом шагу приходилось прорубать проходы в плотной сети лиан, деревья стояли так тесно, что едва можно было протиснуться между двумя стволами. Водопады, потоки, скалы преграждали путь, сама природа препятствовала пиратам, грозила им гибелью; за каждым поворотом можно было ждать засады или неожиданного удара.

Но пираты не отступили бы даже перед силами ада. У Моргана была железная воля, и он знал своих людей. Охотники с Эспаньолы, привычные к суровой жизни в горах, сыграли в этом походе главную роль. Они служили разведчиками и саперами боевой колонны, они исследовали местность, прорубали проходы в чаще абордажными топорами и широкими охотничьими ножами.

Этим передовым отрядом командовал Антонио. В самые трудные минуты образ Хулии не покидал его: порой ему казалось, что она спокойна и думает о нем, и тогда силы его удваивались; порой он видел, как беспомощно бьется она в руках Бродели, и тогда топор валился у него из рук и он боялся сойти с ума от страшных мыслей.

Ревность и любовь боролись в душе Антонио, и каждый час казался ему вечностью.

Два дня пробивалась колонна пиратов сквозь лесные дебри, а на третий, когда солнце стояло уже высоко в небе, раздался радостный крик разведчиков. Они вышли на опушку леса. Перед ними расстилалась бескрайняя долина, а вдали маячили первые городские строения. Теперь положение пиратов изменилось. Они почувствовали, что желанная цель близка.

Голова колонны вышла из леса и почти одновременно вдали показался легкий кавалерийский отряд, скакавший навстречу врагу. Сам губернатор города встал во главе эскадрона, надеясь запугать противника, обратить его в бегство и разбить наголову. Но он не знал ни повадок, ни мужества пиратов.

Морган приказал развернуть знамена, построил своих людей полукругом и под гром барабанов повел их прямо на испанский отряд, который стремительно мчался вперед.

Возможно, в наши дни, когда успехи тактики и военной науки превратили кавалерию в мощное средство прорыва, тот боевой порядок в форме подковы, какой придал Морган своему войску, не устоял бы перед первым же ударом не только эскадрона, но даже взвода. В те времена думали иначе, и исход сражения часто решала не пушка, а человеческая мысль.

Морган и губернатор Пуэрто-Принсипе приблизились друг к другу на расстояние выстрела. Грянул один мушкет, за ним другой, третий, и сражение началось. Испанцы и пираты дрались с ожесточением. Бой длился уже три часа, а предугадать исход было невозможно. Испанский губернатор объезжал свои ряды, воодушевляя солдат, а случалось, и сам брался за мушкет, если пираты начинали теснить его войско. То же делал и Морган. Борьба продолжалась с переменным успехом.

Антонио сражался, как лев, на виду у испанских воинов, кровь его кипела, он позабыл о Хулии и думал только о битве. Он совершал чудеса храбрости, и адмирал смотрел на него с восхищением.

– Молодец, Антонио! – бросил он ему, оказавшись с ним рядом. – Надо наступать, эти испанцы оказались храбрецами.

– Будь здесь хотя бы два десятка моих земляков верхом на конях, – отвечал Железная Рука, – все было бы уже кончено.

Морган, ничего не ответив, улыбнулся мексиканцу и продолжал обход войска.

Железная Рука вместе с горсткой охотников вырвался далеко вперед. Губернатор заметил это и, взяв с собой нескольких всадников, бросился на врага. Схватка была неизбежна, отступать у охотников уже не было времени. Им оставалось сопротивляться до конца и либо отразить удар, либо умереть. Антонио зарядил мушкет и остановился, поджидая неприятеля. Охотники последовали его примеру. В густых клубах пыли мчались, словно ураган, испанские всадники. Впереди, подбадривая их криками и собственным мужеством, скакал губернатор.

Антонио и его охотники взяли всадников на прицел. Блеснул огонь, грянул залп, засветили пули, и все скрылось в клубах дыма и пыли. Однако кони, очевидно, продолжали свой бег, потому что поднятая ими туча пыли приближалась.

Когда рассеялся дым, стало ясно, что удача была на стороне пиратов. Антонио своим выстрелом настиг самого губернатора, немало всадников было убито, а их кони, не чуя больше узды, рванулись вперед и, налетев на пиратов, кое-кого, в том числе и Антонио, сшибли с ног. Уцелевшие испанцы, отступив, соединились со своими главными силами и сообщили печальную весть о гибели губернатора.

Однако боевой пыл испанцев не угас, и бой продолжался с прежним ожесточением.

Железная Рука поднялся с земли и увидел, что конь губернатора в испуге мечется среди пиратов. Он бросился к нему, схватил его за узду и так ловко вскочил в седло, что пираты разразились криками восторга.

Теперь Антонио почувствовал себя во всеоружии. Нескольким пиратам тоже удалось захватить коней, оставшихся без седоков, и вскоре Железная Рука оказался во главе небольшого кавалерийского отряда. Этого только он и хотел: теперь победа будет за Морганом.

Антонио и его всадники сеяли смерть повсюду, где появлялись, пешие пираты теснили врага со всех сторон, и вскоре в рядах защитников города поднялось смятение. Морган понял это и решительно двинулся вперед. Пираты с торжествующим криком бросились за ним.

Испанцы начали отступать, ища спасения в лесу. Однако лес был далеко, а конница пиратов преследовала и разила врага, захватывая все новых лошадей.

Сражение длилось долго и под конец превратилось в бойню. Немногим испанцам удалось скрыться в лесу – почти все они полегли мертвыми на поле боя.

Морган, не теряя времени, собрал всех своих людей. Его потери, по сравнению с потерями противника, были ничтожны, и он дал приказ немедленно двинуться на город. Колонна, состоявшая теперь из кавалерии и пехоты, выступила в путь и через несколько часов подошла к Пуэрто-Принсипе.

Там пиратов ожидал новый бой, хотя и не столь упорный, как в поле. Губернатор оставил в городе гарнизон и, несмотря на печальный исход первого сражения, защитники города приготовились к сопротивлению. Вскоре, однако, гарнизон сдался. Отдельные жители пытались обороняться в своих домах, но тоже вынуждены были сложить оружие.

До этого часа Антонио еще по-настоящему не знал людей, с которыми свела его судьба. Он думал, что все рассказы о жестокости пиратов – клевета, измышления испанцев. Но то, что он слышал, не могло сравниться с тем, что увидел он собственными глазами.

Почувствовав себя хозяевами города, пираты набросились на мирных жителей. Мужчины, женщины, дети, старики, рабы – все без исключения были заперты в церквах, а в опустевших домах начался самый разнузданный грабеж. Антонио наблюдал, как пираты тащили из жилищ разное добро, как складывали и увязывали свою добычу, готовясь переправить ее на корабли.

Возмущение вспыхнуло в груди юноши, и он отправился на поиски адмирала, желая узнать, как же сам он смотрит на поведение своих людей.

Джон Морган не принимал участия в бесчинствах пиратов. Спокойно отдыхал он в доме, ранее принадлежавшем губернатору. Увидев Железную Руку, адмирал сразу понял, что происходит в душе молодого охотника. Они были наедине, и Морган мог говорить свободно.

– Готов прозакладывать голову, – сказал адмирал, – что знаю, чем так взволнован мой новый друг.

– Наверяд ли, сеньор. Боюсь, я и сам не решусь открыться вам.

– Напрасно. Это означает, что вы плохо знаете людей.

– Возможно, сеньор.

– Тогда слушайте: вы – честный, отважный юноша, не способный ни на что дурное и стремящийся лишь к благородным и возвышенным целям, – пришли в ужас, увидев, что творят мои люди в городе, не так ли?

– Да, сеньор, – согласился Антонио, ободренный искренней сердечностью Моргана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.